КАТРИН КОРР

18+

Точная копия

Катрин Корр
Точная копия

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Тая мечтает получить диплом о высшем образовании, потому как считает, что именно он способен открыть для нее дорогу в светлое будущее. И чтобы оплатить учебу в университете, ей приходится устроиться на очередную работу. «Смотритель» – значится в подозрительном объявлении.

Присматривать за красивым и современным домом с собственным озером, кормить и выгуливать милого песика – что в этом сложного? Особенно, когда зарплата приятно утяжеляет карман. Тая обещает хозяину дома, что не доставит ему проблем, ведь ей очень нужны деньги. Но как бы не так, ведь она – точная копия своей мамы. А та всегда приносила с собой одни неприятности.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 30
Глава 4 36
Глава 5 48
Глава 6 56
Глава 7 67
Глава 8 74
Глава 9 87
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Катрин Корр
Точная копия

Глава 1

С самого моего рождения удача старается держаться от меня подальше. Эта мысль приходит ко мне в самых неприятных и стрессовых ситуациях. Сейчас я обязательно подумаю об отце, который исчез, едва узнал о моем зачатии, а потом и о матери, которая сбежала из города лет восемь, девять, десять назад? Я уже и не помню точно. Что там дальше по списку? Сейчас ведь самое время поныть.

Выхожу из смердящего потом автобуса, желая, как можно скорее смыть с себя грязь ночной смены. Сигаретный дым впитался в мои волосы, случайно опрокинутый на рубашку сладкий коктейль стянул кожу, на плечах, свесив свои кривые ножки, всё ещё сидит поганая новость, поставившая под угрозу, а то и полное уничтожение, мое будущее. Может, было бы лучше и легче стать такой, как моя мама? Не знаю, как она выглядит сейчас, но в те времена, когда у меня было некое подобие «семьи», она казалась мне самой красивой женщиной на свете. У нее были длинные светлые волосы и мне всегда нравилось наблюдать за тем, как она превращала прямые пряди в забавные кудряшки при помощи конусной

плойки, которой я обожгла себе все руки, когда пыталась повторить её шедевр. Глаза огромные, цвета самой яркой скошенной травы в лучах утреннего солнца. Стоило ей подчеркнуть их тонкой стрелкой, как взгляд моментально озарялся загадкой, разгадывая которую Шерлок Холмс бы явно сошел с ума.

Глядя на свое отражение в зеркале, я вижу ту маму, на которую с упоением смотрела снизу вверх и мечтала, что когда вырасту, стану такой же красивой и всемогущей. Только она была увереннее.

Смелой. Дерзкой. Умеющей подать себя. Наглость всегда граничила с абсолютной бессовестностью, но тогда я думала, что это нормально. И, возможно, обладай я хоть толикой её бульдозерного характера, моя голова сейчас не болела бы так сильно. Мою жизнь оплачивал бы какой-нибудь глупец, поверивший в мою безмерную любовь. На людях я бы восхваляла его, стала бы для него драгоценным украшением и жила бы в роскошных апартаментах, а сама бы до блевоты ненавидела этого урода, которому позволяла бы трахать не только мое тело, но и мозги.

Каким образом я могу заработать сто пятьдесят тысяч за сорок пять дней, чтобы оплатить третий курс? Только половина моей ничтожной зарплаты уходит на аренду квартиры!

С грузными мыслями я принимаю горячий душ, смываю с себя всю грязь и усталость продолжительной ночи. Каждый раз, наблюдая за струйкам воды, утекающими в круглое от-

верстие под ногами, я напоминаю себе, что работа официанткой – временная. Просто, чтобы подкопить немного денег, а потом направить все силы и энергию на покорение целого издательского дома. И совершенно неважно, кем я буду: помощницей помощницы главной помощницы редактора или курьером, курсирующим с этажа на этаж с огромной корзиной корреспонденции. Неважно. Главное находиться в эпицентре событий, а там и подвернется возможность проявить себя.

Юркнув в постель с мокрой головой, завожу будильник на 7:40. У меня есть целых полтора часа, чтобы поспать, а потом вновь работа. И эта, пожалуй, самая приятная из тех, что у меня есть.

* * *

– Это немыслимо! Ты учишься на заочном! – шепотом причитает Соня, пробивая штрихкод на огромной энциклопедии в красивейшей подарочной обложке. Я отрываю ярко-красный пакет и аккуратно укладываю книгу. – Сто пятьдесят тысяч в год! Они что, рехнулись окончательно?

– Похоже на то. – Протягиваю покупку высокой женщине, которой наш разговор наверняка показался весьма любопытным. – Спасибо за покупку и хорошего вам дня!

– Благодарю.

Кажется, она хочет мне что-то сказать, но ей неловко. Ко-

гда покупательница покидает книжный магазин, Соня поворачивается в мою сторону на крутящемся кресле. Серебристые часы с кристаллами Swarovski, которые подарил ей парень, часто похищают мой взгляд. Они очень красивые и изящные, но почему-то всё, что блестит, сверкает и выглядит дорого, напоминает мне маму, чья малахитовая шкатулка буквально трещала от драгоценностей.

– А почему нельзя оплатить учебу частями, как раньше? – возвращает меня Соня к больной теме.

– Потому что есть студенты, которые не доживают до конца учебного года. Часть оплатили, лекции послушали, а экзамены провалили и дальше не видят смысла в обучении. Декан сказала, что оплачивая всю сумму сразу, у студента будет мотивация к учебе. Что-то вроде того.

– Но у тебя и без того есть мотивация к учебе, черт возьми! Что за бред? Разве они не понимают, что этим решением лишатся половины заочников, потому что тем просто нечем платить за учебу?

– Они лишатся только меня и ещё парочки человек, которые пользуются общественным транспортом и снимают жилье. Остальные с отличным материальным достатком, поверь.

Обновляю шариковые ручки в подстаканниках и не понимаю, чего хочу больше: разрыдаться от безнадежности своего положения, или засмеяться во все горло от чертовой безнадежности своего положения?

– Ты ведь не бросишь учебу, верно? – осторожно спрашивает меня Соня. Мы знакомы с ней всего три с половиной месяца, но очень сдружились за это короткое время. – Не бросишь ведь?

– А чем я по-твоему буду платить? У меня есть тридцать тысяч, но они большой роли не сыграют. Состоятельных друзей, у которых я могла бы занять деньги, у меня нет.

– Попробуй взять кредит!

– У меня уже был один. Его я брала, чтобы бабушку похоронить два года назад, и больше в это лезть не хочу.

Соня опускает взгляд, стараясь отыскать ещё одну безуспешную идею. Обслуживаю двух школьниц, купивших несколько шариковых ручек, ластиков и простых карандашей.

– Не вздумай сдаваться, поняла? Я в жизни не встречала настолько целеустремленного человека, как ты, Тая! Вот у меня нет высшего образования и оно мне не нужно. Я так считаю. Я простушка в этом плане. Мне всегда казалось, что лично мне диплом не поможет заработать денег. Бумажка и бумажка. Я могу её в подворотне купить. А вот ты – из высшей лиги! На тебя же посмотришь и сразу хочется осанку выравнять, подбородок задрать и приказать всем повиноваться! Ты пробьешься на вершину олимпа, зуб даю! Но не вздумай опускать руки, поняла? За темной полосой всегда следует светлая.

– И где моя?

– Кто?

– Светлая полоса, – улыбаюсь я. – Где у меня есть деньги на учебу.

– Она совсем близко, – отвечает Соня, опустив руки на мои плечи. – И на твоей улице перевернется грузовик с конфетками. А теперь давай-ка я сбегаю на второй этаж и возьму нам два латте и эклеры с клубничной подливкой? Сладкое поднимает настроение, – подмигивает она и снимает свой ярко-желтый фартук. – Я быстро!

Отвлекаю себя работой в секции «Романтика». Здесь всегда царит особая успокаивающая атмосфера. Вымышленные герои, чувства, чудо любви… Привожу в порядок криво поставленные книги на полках, обновляю стенд с бестселлерами, пытаюсь увлечься аннотациями, но собственные проблемы уж слишком сильно вцепились в меня острыми зубами. Вымышленным историям ни за что не избавить меня от чувства обрушения собственных надежд.

Услышав звон колокольчика, оповещающего о вошедшем в магазин покупателе, я оборачиваюсь. Парень в зеленой жилетке кладет стопку ярких бумажек на высокий прилавок и собирается покинуть магазин.

– Постойте! – обращаюсь я, направляясь к кассе. – Что это у вас? – Парень не оборачивается и уже подходит к выходу. – Погодите! Если эта реклама, то можете забрать её. Все листовки только с разрешения руководства! Постойте же! Иначе мне придется всё это выбросить!

Незнакомец выходит, а Соня, с трудом удерживая два картонных стаканчика с кофе и коробку с эклерами, заходит внутрь.

– На кого это ты кричишь?

– Какой-то парень принес эту стопку с бумажками и вышел!

– Ладно тебе, не ругайся. Ему просто нужно сделать свою работу. Только посмотри, какую вкуснятину я взяла!

– Но нам придется всё это выбросить. Маргарита ненавидит эти рекламы. – Беру одну из листовок. – И этой она точно не обрадуется.

– Что там?

– «В загородный дом требуется смотритель. Пол и возраст не важен. Оплата высокая. Срочно! Все подробности при встрече», – читаю я. – Адрес и время встречи указано. Впервые вижу подобное. Какой-то развод.

Беру стопку бумаг и захожу за прилавок, чтобы выбросить всё в мусорное ведро.

– Предложение о работе распространяют не на улице в подворотне, а в огромном торговом центре, – замечает Соня. – Может, это кто-то из администрации? Они ведь явно в загородных домиках поживают.

– И что с того? – Запихиваю стопку в корзину. – Всё равно объявление подозрительное.

– Не хочешь узнать подробности?

– О! Мне и моих трех работ вполне хватает. Кстати, сего-

дня мне нужно улизнуть на полчаса раньше. Миша приедет чуть раньше на занятие.

– Бедный парень! – смеется Соня. – У него явно ширинка по швам трещит, когда ты занимаешься с ним английским.

– Перестань!

– Зуб даю!

– Ужас, – смеюсь я, взяв свой стаканчик с кофе. – Ему семнадцать и у него есть любимая девочка, которая учится в параллельном классе.

– Ого! Вы и личным делитесь.

– Об этом он рассказал мне на одном из занятий. На английском, между прочим. Ни одной ошибки не сделал.

– И всё равно, на тебя у него точно стоит.

– Обязательно.

– У меня бы стоял.

– Не сомневаюсь, – хохочу я.

– Не хочешь узнать, подробности этой вакансии? – кивает Соня на урну. – А какой там адрес?

Закатываю глаза и достаю одну из бумажек. Протягиваю её Соне, а сама беру свой эклер и уплетаю его, пока нет покупателей.

– Бог мой! Это же «Золотые кедры»! Район, где живут весьма зажиточные личности. У них там свои леса и домины размером с квартал! – Соня опускает руки на высокий прилавок и требовательно смотрит на меня. – Едь туда!

– С чего вдруг? Я в жизни не работала в загородном доме

и даже не представляю, что в себя включает вакансия «смотритель».

– Так узнаешь! Тут же написано, пол и возраст не важен! Да и оплата высокая. Вдруг условия тебе так понравятся, что ты сможешь бросить работу в том дурацком баре?

Эклер вкусный, но уже не лезет в горло.

– Хочешь, я съезжу с тобой?

– Не надо, потому что я никуда не собираюсь.

«Оплата высокая» – замечаю я первое, когда Соня демонстрирует мне объявление.

– Мы с Женей отвезем тебя. Подождем в машине. Вдруг тебя заинтересует это место! Попытка – не пытка ведь, правда?

Глава 2

– Ты точно уверена, что это здесь? – спрашиваю я, глядя на светящийся трехэтажный дом с огромными окнами. Сквозь узкие деревянные решетки забора видна освещаемая лужайка и черный Range Rover под вытянутым навесом, прилегающим к дому. – Точно, да? Не ошиблась?

– Новогодняя, семнадцать, – кивает Соня, сидя на переднем пассажирском сиденье. – Это здесь.

– Странно, что в объявлении не указали телефон, – в который раз замечает её парень. И мне тоже это кажется подозрительным. – Вдруг там живет какой-нибудь садист, которому абсолютно пофигу, над кем издеваться: мужчиной или женщиной?

– А ты можешь подбодрить! – фыркает Соня и поворачивается ко мне. – Не слушай его.

– А ведь он дело говорит, – стараюсь улыбнуться. – В объявлениях всегда оставляют номер телефона для связи, а здесь только адрес.

– Хрень какая-то, – кивает Женя.

Я снова смотрю на дом. Через месяц истечет срок оплаты за годовое обучение в университете и мне придется забрать свои документы. Если, конечно, я не успею заработать к этому времени необходимую сумму честным и лишенным любого стыда способом.

– Ладно, – тихонько вздыхаю я, глянув на Соню. – Не уезжайте только.

– Пф! Мы будем ждать тебя!

– Нет, давай так! – поворачивается ко мне её парень. – Тебе хватит двух-трех минут, чтобы оценить обстановку. В любом случае звонишь Соне и говоришь, что и как. Мы здесь и будем ждать тебя, сколько нужно.

– Хорошо, – киваю я. – Спасибо, ребят.

Соня отмахивается, а потом с улыбкой подмигивает мне.

– Удачи! И помни, тот, кто живет в таком большом доме, наверняка, платит хорошие деньги за работу.

– Да уж, – усмехается Женя, – важное замечание.

Соня недовольно пихает его в плечо. Что она говорит ему, я уже не слышу, потому что выхожу из машины. Подхожу к деревянной калитке с номером дома и видео-домофоном. В объявлении было указано время: с 18:00 по 21:00. Для встречи я выбрала золотую середину. Под ребрами скачет попрыгунчик. Я нервничаю только лишь от того, что эта встреча заранее не согласована. Ненавижу быть внезапной обузой с самого детства.

Нажимаю на круглую серебристую кнопку вызова и поправляю распущенные волосы. С каждым громким гудком сомнения атакуют меня с разных сторон и вот я уже совершенно не понимаю, какого черта пришла сюда, если далека от загородной жизни насколько это возможно?!

– Слушаю? – раздается низкий мужской голос сквозь ди-

намик.

– …Добрый вечер. Я по объявлению.

– «Объявлению»?

– …Да. Вакансия «смотрителя» ещё свободна?

Какой из меня смотритель? Я даже не знаю, как камин разжигается, а этот домище явно отапливается дровами или бог знает чем ещё!

– Ясно. Ну, проходите, раз пришли, – снисходительным тоном отвечает хозяин и открывает калитку.

– Ух ты… – вырывается у меня, когда я захожу на территорию дома.

Повсюду зелень, ухоженные пушистые кусты, каменистые тропинки и даже пруд! Любуясь красотами, я медленно поднимаюсь по невысоким ступенькам, обнимающим зеленый холм. Сверкающий дом невероятно красив и величествен. Сколько времени требуется, чтобы убраться в нем? Неделя? Две? Месяц?

Внезапно раздается громкий лай и что-то очень мощное толкает меня в спину. От неожиданности я падаю на ступеньки и острая боль обжигает мое колено и ладонь.

– Черт, Джерси! Ко мне! – раздается громкий и властный мужской голос. – Ко мне, сказал!

Сердце как будто в горле колотится. Смотрю на большого черно-белого пса неизвестной породы, что послушно мчится к своему хозяину и, которому уже совершенно всё равно на меня.

– Ты в порядке? – спрашивает меня мужчина, помогая подняться на ноги. – Сильно ушиблась?

От него вкусно пахнет. Это первое, что фиксируется в моих личных заметках.

– …Нет, я в порядке, – пытаюсь ответить, всё ещё сбитая не только с ног, но и с толку. – Только колено печет… О, нет! – ахаю я, глядя на разорванные джинсы и кровь. – Мои джинсы!

– Глупый пес! – ругает мужчина виновника моего несчастья. Тот, как ни в чем не бывало, продолжает сидеть на месте, вилять хвостом и игнорировать наше присутствие. – Рану нужно обработать. Идти можешь?

– Не перелом ведь. Вполне могу.

– Джерси, сколько раз тебе говорить, что нельзя набрасываться на людей? – продолжает он ругать пса, который с каждым шагом хозяина опускает голову всё ниже и ниже.

Я иду следом и моему взору открывается…крепкая мужская задница в черных джинсах. К кистям приливают широкие вены, чуть ниже локтя набита татуировка в виде браслета. Фигура у мужчины очень даже впечатляющая. Сразу видно, что он завсегдатай в тренажерном зале. Бедра узкие, спина широкая, плечи крепкие и мускулистые. В мыслях невольно всплывает воспоминание, часть из которого бывает снится мне в кошмарах.

Мама собиралась в ресторан. Был декабрь, время новогодних корпоративов. Она попросила меня застегнуть длин-

ное серебристое платье, а сама с восхищением смотрела на свое отражение в зеркале. Мне было лет восемь. И тогда она была особенно прекрасна.

«Ты – настоящая принцесса! – сказала я, мечтая, что это чудесное серебристое платье когда-нибудь станет моим. Спереди оно закрывало абсолютно всё, а рукава были настолько длинные, что опускались до середины пальцев да ещё и собирались в гармошку. А вот спина была абсолютно оголена. – Ты сегодня будешь танцевать с настоящим принцем!»

«Очень на это надеюсь».

«Мама?»

«Да, милая?»

«Там, куда ты идешь, много принцев?»

«Уж очень на это надеюсь», – усмехнулась она.

«А как ты найдешь своего? Он ведь должен быть один и только твой, верно?»

«Милая, их у меня может быть несколько. Они могут быть низенькими, толстенькими, волосатыми, как обезьяны! Но вот если попадется особенный… Настоящая редкость. И, чаще всего, живут они в «Горьком».

«Особенные – это какие?»

Мама расправила плечи и вновь оглядела свое отражение в зеркале. Она была чертовски уверена в себе и казалось, будто могла одним только взглядом получить желаемое.

«Они неприступные, как самые высокие и непобедимые горы. У них особенная походка: один шаг, второй третий –

им будто принадлежит целый мир. Они могут смотреть на тебя свысока, могут даже бросить что-то оскорбительное, но… Как только ты завладеешь их вниманием, как только их глаза вцепятся в твои, плавно опусти веки и проведи пальцами по шее. Это очень мощное оружие, поверь. Их отношение к тебе в момент меняется. А вообще, запомни, милая одну очень важную вещь: власть женщины – в её теле. Ведь мужчины любят глазами. Но, чтобы почувствовать всю мощь своих возможностей, она должна сама полюбить себя. Неважно – толстая или худая, костлявая или с целлюлитной коркой. Только любовь к себе способна наградить её силой, от которой сойдет с ума любой, даже самый непробиваемый и бесчувственный мужчина на свете. Если, конечно, она сама этого захочет».

* * *

Один шаг.

Второй.

Третий.

Незнакомец поворачивает голову в сторону, окидывая взглядом огромную территорию, что принадлежит ему.

Уверенный профиль.

Дерзкий.

Острый, как каменный выступ.

Мои глаза снова останавливаются на его затылке. Всякий

раз, когда мальчик, парень или мужчина привлекал мое внимание, я всё время смотрела на затылок. Скошенные, будто им когда-то прилетело сковородкой, круглые, как мячи, приплюснутые, вытянутые – самые разные. По мере моего взросления это часть обретала ещё одно качество, о котором мама тогда не упомянула.

Сексуальность.

В мой нос проникает запах мужского парфюма, а сквозь него, точно прозрачная дымка невидимых молекул, что-то особенное, выделяемое исключительно человеческой кожей. Мой непослушный взгляд устремляется к широкой шее. Короткие темные волосы почти сбриты, кожа идеально гладкая. Что-то во мне сжимается, подушечки пальцев леденеют. Почему-то именно сейчас образ матери становится уж слишком настойчивым, а слова, которых в детстве я не понимала, а чуть позже в них просто не верила, будто обрастают подтверждениями…

Мужчина открывает прозрачную входную дверь из толстого стекла в темной деревянной оправе. Он пропускает меня вперед и я невольно распахиваю взгляд.

Смотрит на меня свысока.

Что я делаю? Зачем захожу в дом человека, которого совершенно не знаю? На мгновение я вообще забываю о причине, по которой приехала в этот район! Мои глаза рассеянно бегают из стороны в сторону, попрыгунчик под ребрами сошел с ума! Когда дверь за мной закрывается, до меня вдруг

начинает медленно доходить, что минуту назад я таращилась на мужской затылок и впервые испытала сексуальное влечение к этой части тела. Из-за этой части тела.

– В ванной есть пузырьки с перекисью, ватные диски и йод. Тебе помочь?

– Нет. Я сама справлюсь, спасибо.

Незнакомец ведет меня по ярко-освещенному коридору, а потом останавливается напротив темной двери и разворачивается ко мне лицом.

Неприступный, как самая высокая гора.

Глаза цвета самого дождливого неба бегло пробегают по мне. В них нет ни тени заинтересованности и меня это обнадеживает. Ухоженная щетина и три глубокие морщины на высоком лбу сбивают с толку. Сколько ему? Тридцать? Или чуть больше?

– Ванная комната здесь, – кивает он на дверь. – Если что-то понадобится – говори.

– Спасибо.

Оказавшись внутри, я медленно закрываю глаза и выдыхаю из легких весь воздух. Внутри слишком просторно для привычной ванной комнаты. В углу душевая с прозрачным стеклом, напротив унитаз, биде, а между ними широкая сверкающая раковина. Под ней открытая полка с темными полотенцами и плоский выдвижной ящик. Поскольку он здесь единственный, значит именно в нем я найду перекись и ватные диски.

Мой телефон в кармане порванных джинсов издает тихую мелодию. Вспоминаю, что за пределами этого дома меня всё ещё ждут Соня и Женя, которым я обещала позвонить.

– Да? – тихо отвечаю я на звонок подруги.

– Умоляю, скажи Жене, что с тобой всё в порядке, а то он уже всю плешь мне…

– Всё в порядке, – перебиваю я, выдвигая ящик. – Не беспокойтесь.

– И что я тебе говорила? С ней всё нормально!

Я отключаюсь. Наспех обрабатываю рану, перекись розовеет и шипит, а жгучая боль напоминает о детстве. Джинсы уже не спасешь. Мало того, что на них теперь огромная дырка, так ещё и испачканы кровью. С этой подозрительной вакансией одни только убытки.

Прежде, чем покинуть ванную комнату, я несколько раз приглаживаю волосы. Стоит мне накрутить их на плойку, чего я почти никогда не делаю, становлюсь точной копией мамы. Той, что я запомнила. Как она выглядит сейчас, мне неизвестно. Но можно не сомневаться, что она по-прежнему остается сногсшибательной женщиной. Моя бабушка любила повторять, что особенная красота у нас в крови и с годами она становится только опаснее.

«Вот только твоя ненормальная мать использует её во вред себе и тем, кто её окружает!»

И почему я думаю об этом именно сейчас?

Когда открываю дверь, слышу отдаленный мужской голос

из глубины дома. Кажется, хозяин говорит по телефону. Замечаю на белой футболке темное пятно от грязных лап. Что ж, и сегодня удача обошла меня стороной.

– Ты всё?

От неожиданности я даже подпрыгиваю и опускаю ладонь на грудь. Моя реакция забавляет мужчину. Он криво улыбается и кивком указывает идти следом за ним.

– Тебя всегда так легко напугать?

– По всякому бывает.

Светлая гостиная располагается в самом сердце дома. Зона отдыха с двумя молочного оттенка диванами и стеклянным столиком буквально утоплена. Над ней до самой крыши возвышается огромное окно, поделенное на несколько секций, а за ним – сказочный вид на озеро.

– Обалдеть, – вырывается у меня. – У вас озеро во дворе! Как же красиво.

– Садись, – говорит мне мужчина, а сам проходит на кухню. Она большая и современная. Белая каменная столешница сверкает чистотой, будто на ней никогда в жизни не готовили. – Выпьешь чего-нибудь?

– Нет, спасибо. – Спускаюсь на пару ступеней и сажусь на самый край очень мягкого дивана.

– Извини за пса ещё раз, – говорит он мне, наливая воду в стакан. – Он всегда был придурковатым. До свадьбы точно заживет, – коротко хмыкает мужчина, при этом даже не взглянув на меня. – По правде говоря, я не думал, что он так

быстро всё организует, но, наверное, так будет лучше. Единственное, чего я не понимаю, так это – почему ты?

– Вы всё ещё о своем придурковатом псе говорите?

– Нет, – без единой эмоции отвечает мужчина. – О своем отце, который отправил тебя сюда. Ты знаешь, как заводится газонокосилка?

– Кажется, нужно потянуть за веревочку.

– Знакома с работой газового котла, который отапливает дом?

Я молча смотрю на него, совершенно не понимая, о чем он говорит.

– Ясно, – продолжительно кивает мужчина и направляется ко мне. – Я не могу дозвониться до отца, чтобы спросить, какого черта он прислал тебя сюда. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что ты не подходишь для этой работы. Только зря время потеряла, да ещё и колено разбила.

Я не сразу нахожусь с ответом. Снисходительно-грубый тон, будто пощечина от первого встречного.

– «Одного взгляда»? – поднимаюсь я на ноги. – При всем моем уважении, что теперь размером с тараканий глаз, я считаю вас полным болваном. Вы не знаете меня ни минуты, но при этом у вас хватает наглости обращаться ко мне, как к недоразвитой подружке младшей сестры, на фоне которой та выглядит весьма привлекательно. Я приехала сюда, потому что увидела вот это объявление, ясно? – Достаю из сумки сложенный пополам яркий листок и кладу его на стеклянный

столик. – Я понятия не имею, кто ваш отец, и я не питала больших надежд на эту работу. А те слабые, что всё же имелись, исчезли моментально, стоило увидеть вас. И время я зря не потратила. Просто лишний раз убедилась, что в таких красивых домах с такими волшебными видами могут жить только самые настоящие кретины.

И на что я только надеялась, когда ехала сюда? Ах, да! Учеба, которую мне нужно оплатить через месяц, а в противном случае – катись-ка ты Тая ливерной колбаской со своими мечтами и планами!

– Подожди! – раздается мужской голос, когда я уже хватаюсь за гладкую дверную ручку. Я оборачиваюсь, готовясь получить равнозначный ответ за «болвана» и «кретина». Мужчина останавливает в метре от меня и теперь его взгляд оглядывает меня с настороженным любопытством. Широкие брови сходятся к центру, выразительные губы не то хотят улыбнуться, не то поджимаются, будто их хозяин испытывает слабое подобие недовольства. – Где ты взяла это объявление?

– Увидела в книжном магазине.

– Здесь нет ни номера телефона, ни толковой информации о вакансии. У тебя что, отсутствует инстинкт самосохранения?

– Я не одна приехала, ясно? Это всё?

– Я не знаю, кто сочинял это объявление, но умом этот человек явно не обладает. И это точно не может быть мой

отец. В любом случае, дом действительно нуждается в смотрителе.

– Отлично. Удачи в поисках!

– Так тебе нужна эта работа? – вдруг спрашивает он, требовательно уставившись на меня.

– Я не умею заводить газонокосилку, понятия не имею, как работает газовая система отопления, не могу растапливать камин и совершенно не понимаю, что делать, если вырубят электричество. Я не подхожу для этой работы. Одного взгляда вполне достаточно.

– Но ты здесь, – напоминает он, а его широкая бровь медленно ползет наверх. – Почему же, если знаешь, что это работа не для тебя?

– Я коллекционирую работы. Пишу производственные зарисовки и к следующему новому году выпущу целый сборник.

Моя шутка заставляет его улыбнуться. Не без толики высокомерия, разумеется, но улыбка искренняя. Мужчина, имени которого я до сих пор не знаю, цокает языком и расставляет руки в боки. Его мускулистые плечи моментально увеличиваются в размерах. Не знаю, почему, но у меня перехватывает дыхание. А ещё я по-прежнему чувствую настойчивый запах его кожи.

– Попробуй, – заявляет он, с сомнением оглядев мое лицо. – По сути здесь нет ничего сложного. С понедельника по пятницу ты живешь здесь. Присматриваешь за домом, наво-

дишь порядки внутри и снаружи. Суббота и воскресенье – выходные дни.

– Жить здесь пять дней в неделю? – Размеры дома начинают меня пугать. – Одной?

– У тебя есть парень?

– Нет.

– Муж?

– Нет, – терпеливо отвечаю я.

– Тогда одной, – пожимает он плечами. – За газоном будет присматривать садовник. Твоя задача – найти толкового и организовать для него график. Тот, что был, ушел в запой и это надолго. Испытательный срок для тебя – неделя. Выдержишь и работа твоя. Оплату будешь получать по пятницам. Восемьдесят тысяч. Устраивает?

Комок застревает в горле. Да я столько за месяц в баре и книжном магазине не зарабатывала!

– …Вы не шутите?

– Дом большой. Если ты думаешь, что работы здесь нет – ошибаешься.

– Это я понимаю, просто… – Мысли путаются. Я пытаюсь придумать, как бы мне совмещать все мои возможности заработка, но учитывая, что необходимо находиться здесь все будние дни – это невозможно. – Не проще ли нанимать клининговую компанию раз в неделю, чем впускать в дом чужого человека, который будет в нем жить?

– Здесь живет этот пес. Я могу приезжать сюда только по

выходным. И любой дом не любит пустовать. Он начинает болеть и вскоре умирает. Стенам необходима жизнь. Пока у меня нет возможности жить здесь полноценно. И я не хочу, чтобы каждую неделю в доме находились посторонние. Одного человека вполне достаточно.

В его голосе есть что-то волнующее. Он вибрирует, будто издает особенные колебания и искры. Я сразу вспоминаю бенгальский огонь. Горя, он трещит, приятно потрескивает.

– Ну, так что? – разводит он руки в стороны. – Нет – и нет. Не за чем тратить время.

– Когда нужно приступать?

– Завтра, – отвечает он так, будто уже знает, что я не справлюсь.

Ого, какие скорости. Завтра у меня репетиторство, а потом смена в баре… Черт! Но восемьдесят тысяч в неделю!

– Во сколько нужно приехать?

– Желательно до девяти. Мне нужно показать тебе, что и как устроено, а на это потребуется время. Сегодня я этого делать не буду, поскольку уверен, что завтра ты не приедешь. Но! – усмехается он, устало выдохнув. – Если ты всё же решишься, возьми с собой необходимые на неделю вещи. Машина есть?

Отрицательно качаю головой.

– Тогда ты будешь находиться здесь пять дней. Продукты есть, Интернет подключен, в твоем распоряжении весь дом. Насчет подруг, которые могли бы навещать тебя, поговорим

позже. После испытательного срока. Вот и всё.

Сомнения вновь атакуют, ведь неизвестность обладает возможностью внушать легкий страх.

– …Хорошо.

– Что? – с кривой улыбкой переспрашивает он.

– Хорошо! – повторяю я чуть более уверенно и поднимаю на него глаза. – Я буду здесь завтра в семь утра. Не рано?

– Отличное время.

Мое решение отпечатывается удивлением на его угловатом лице. Мужчина опирается плечом о стену и складывает руки на груди.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Тая. – Надо бы задать ему тот же вопрос, но мне что-то даже смотреть на него боязно. Воздух пропитан запахом его кожи и если мои волосы взяли в себя этот чувственный аромат сексуальной мужественности и власти, я не буду пользоваться шампунем неделю.

– Подумай ещё, Тая, – выделяет он мое имя, будто никогда прежде не произносил его. – А решишь взяться за работу – жду тебя завтра в семь.

Молча кивнув, я выхожу из дома. Мое сердце норовит выпрыгнуть из горла, воздуха не хватает. Я спешу к выходу и напоминаю себе о цели, которую поставила перед собой в шестнадцать лет. И ей бы навряд ли обрадовалась мама. Мое будущее зависит только от меня и если я из тех людей, кто верит, что диплом о высшем образовании открывает тыся-

чи возможностей, чтобы стать счастливой, я сделаю всё, чтобы его получить. Жить пять дней в неделю в роскошном доме, где я смогу погрузиться в учебу и зарабатывать хорошие деньги – так ли это сложно?

Неужто удача рискнула подружиться со мной?

Глава 3

Пес радостно взвизгивает и пытается перепрыгнуть высокий забор, чтобы снова накинуться на меня. Мне ещё никогда не приходилось ухаживать за домашними животными и я была бы очень благодарна этому Джерси, если бы он хоть немного помог мне и не вел себя, как сумасшедший.

Мужчина, об имени которого я, кажется, гадала полночи, открывает передо мной калитку и держит разбушевавшегося от счастья пса за коричневый ошейник.

– Доброе утро, – здороваюсь я, не решаясь войти.

– Привет. Не обращай внимания, это он радуется.

– Угу. – Поправив ремешок спортивной сумки на плече, я неуверенно делаю шаг вперед. – Он живет на улице?

– Большую часть дня проводит здесь, но спит в доме. Особенно, когда гроза и дождь.

– Ясно.

– Просто погладь его и он успокоится. Иначе так и будет скакать, пока снова не собьет тебя с ног.

Ставлю сумку на тропинку и опускаюсь на корточки перед псом. Собак я никогда не боялась, но сейчас мне бы не хотелось, чтобы этот мохнатый парень случайно откусил мне палец в порыве счастья.

– Привет, Джерси. Вижу, у тебя сегодня чудесное настроение, да? – Осторожно опускаю обе ладони на его голову и

четвероногий вдруг резко успокаивается. Его черные с зелеными прожилками глаза смотрят на меня так внимательно и преданно, что всё внутри меня теплеет. Я будто пью теплый ягодный чай рядом с пылающим камином. – А ты, оказывается, загадочный парень, Джерси, – улыбаюсь я, поглаживая его мягкие щечки. – Думаю, мы подружимся. И если вдруг ты хочешь знать, как поживает мое разбитое колено, спешу сообщить, что с ним всё в порядке. Правда душ принимать весьма болезненно.

Продолжаю тискать милейшее создание на земле и не сразу замечаю, что его хозяин наблюдает за мной. Мне становится неловко, ведь поболтать с четвероногим я могла бы и в другое время. Подняв свою сумку, я даю понять, что мы можем идти.

– Беги, Джерси! – отпускает его мужчина. – Гуляй! – Пес послушно убегает в сторону лесочка. – Идем. Покажу тебе дом и расскажу, что нужно делать. Давай сюда сумку.

– Она не тяжелая.

Мои слова пролетают мимо его ушей. Он просто хватается за широкий ремешок и снимает его с моего плеча.

– Ты что, не брала с собой вещи? – поднимает он широкую бровь.

– Только то, что мне может понадобиться.

– Ясно. – Мужчина разворачивается на пятках и направляется к дому, вновь окидывая хозяйским взглядом свои владения. Я иду следом. Мои непослушные глаза снова сле-

дят за движением его крепких ягодиц. Узкие бедра будто танцуют, нарочно вынуждая меня фантазировать о том, что сейчас совершенно неуместно. – Займись поиском садовника. Завтра уже осень, но это не значит, что трава перестанет расти. До октября он должен косить её каждый четверг.

Мы заходим в дом. Намереваюсь снять обувь, но мужчина уверенно шагает вперед в своих кроссовках и я спешу следом за ним.

– Сегодня после двенадцати сюда доставят продукты из магазина. Холодильник будет забит, не переживай.

– Насчет этого я уж точно не переживаю.

Мужчина останавливается у широкой светлой лестницы с деревянными поручнями и поворачивается ко мне.

– Тогда, что же тебя беспокоит?

Твой запах.

– Работа газовой системы отопления.

Он усмехается.

– Это не так сложно, как кажется. К тому же, полы греются только в ванных комнатах. Ты просто можешь контролировать температуру.

Он снова идет вперед. Минуем гостиную и кухню, заходим в другой коридор. Кладовка, комната с системами водоснабжения и фильтрации, прачечная, кабинет… На цокольном этаже кинотеатр, тренажерный зал, сауна и бассейн, в котором вода настолько чистая и голубая, что её не страшно и выпить.

– Захочешь погреться в сауне, включишь вот эту кнопку и…

– Нет! Даже не рассказывайте мне об этом. Я уж точно не буду ничего нагревать.

Страшно подумать, если что-то пойдет не так и этот дом вспыхнет, как спичка. По правде говоря, мне вообще пока боязно к чему-либо прикасаться.

– Здесь всё элементарно, Тая. Кнопка On запускает печь. Кнопка Off – выключает, – объясняет он с таким выражением лица, будто перед ним недалекая школьница. – Не сложнее, чем включить телевизор.

– Ясно. Хорошо. Спасибо. Но я не буду запускать никакие печи только для того, чтобы погреться. Я лучше теплее оденусь.

– Как знаешь.

На втором этаже располагаются четыре спальни, одна из которых – его. Он не показывает мне каждую, просто указывает на двери и говорит:

– Для гостей. Для гостей. Для гостей. Моя. Из этих трех можешь выбрать любую. В каждой есть своя ванная комната. Проветривай комнаты хотя бы раз в день.

– Хорошо.

– На третьем этаже бильярд, стол для игры в карты и бар. Посмотришь потом сама, мне уже пора ехать. – Мы снова спускаемся на первый этаж. – Как домофон работает, знаешь?

– Уж с этим я думаю, разберусь.

– Если будут вопросы – звони, – говорит он, направляясь к входной двери. – Я приеду в пятницу после пяти. Но если вдруг, – он останавливается и разворачивается ко мне, – что-то понадобится, случится или ты просто не вынесешь одиночества, позвони, ладно? Я приеду и ты можешь быть свободна. Ключи от дверей и калитки лежат на камине. Корм для Джерси в кладовке. Миски ты видела, где стоят. Вопросы есть?

– Вообще-то, да. Я не знаю ваш номер телефона.

– Ты и имени моего не знаешь, – усмехается он, вытащив сотовый из заднего кармана джинсов. – Продиктуй свои цифры.

На мгновение я забываю собственный номер телефона. Вены, что выпирают на его руках, приковывают мой взгляд. Я представляю, как они надуваются ещё больше, когда руки удерживают на весу его тело…

Заправляю за ухо волосы и диктую номер. Через пару секунд мой сотовый в сумочке начинает звонить.

– Ян.

– Что? – хлопаю я глазами.

Мужчина сохраняет мой номер в списке контактов. Он не смотрит на меня.

– Меня зовут Ян. – Заблокировав сотовый, Ян открывает входную дверь, а потом вдруг поворачивает ко мне голову и говорит: – Будут вопросы – звони.

– У меня уже есть вопрос. – В горле пересыхает. Его запах превращает мои мозги в кашу! – Это не шутка? Всё это… Вы меня не знаете, даже никакие документы не спросили, но охотно проводите экскурсию по дому, оставляете ключи и говорите, что вернетесь в пятницу. Вы в своем уме?

И снова мои слова забавляют его. Я вижу, как разноцветные смешинки пляшут в его серых глазах и вертят крошечными пальчиками у виска.

– Ты вчера была в своем уме, когда рискнула приехать неизвестно куда, неизвестно к кому, клюнув на объявление, которое составлял какой-то придурок? Полагаю, тебе очень нужны деньги, – говорит он, сканируя мое лицо. – А мне нужен человек, который действительно будет работать, поскольку нуждается в деньгах. Не думаю, что как только я уеду, ты вынесешь весь дом. На воровку ты не похожа. В любом случае, у тебя целая неделя, чтобы доказать свою пользу и понять для себя, нужна тебе эта работа или нет. Удачи, Тая.

Дверь за ним закрывается, щелкает замок. Тишина моментально овладевает огромным домом. Я медленно оборачиваюсь, мой взгляд ползет по светлым стенам и глянцевому полу, по которому наверняка очень скользко ходить в теплых носках…

А мое имя звучит как-то по-особенному, когда он произносит его. Кажется, я очень хочу, чтобы скорее наступила пятница.

Глава 4

Моя бабушка презирала маму. Первая её дочь умерла в полтора года от простуды. Она должна была стать балериной или актрисой, которой восхищался бы весь белый свет. Но судьба распорядилась иначе. Когда родилась мама, бабушка надеялась, что она станет точной копией умершей сестры, но и этого не случилось, ведь характер у моей мамы с самого детства был слишком строптивым. Каждое утро, собираясь в школу, я слышала одни и те же слова: «Не вздумай вилять пятой точкой, как некоторые. Только увижу, что растет пузо – выставлю тебя на улицу!» Иногда это звучало, как шутка. Порой, бабушка меня целовала в щеку и заботливо приглаживала волосы. Но чаще всего это были реальные мысли и опасения одинокой и несчастной женщины, оставшейся без мужа и детей. Сначала моя мама свалила меня на её голову, и то же самое по расчетам бабушки, могла сделать и я. Порой казалось, что всё, о чем она могла твердить и днем, и ночью – неугодная, лживая, подлая и беспринципная дочь, которая вот-вот загремит за решетку.

«Скольких людей она обманула! Скольким жизни покалечила! Бессовестная вертихвостка! Сумасшедшая и бессовестная!»

В деталях и объяснениях я не нуждалась, ведь к тому времени уже понимала, чего я лишилась с её уходом. Бабушке

я была не нужна, но она терпела меня и позволяла жить в её доме только лишь потому, что я отличалась покорностью и была тихой, как мышка. Как-то раз она даже назвала меня «внученькой».

«Я ещё вернусь, Тая».

Шепот мамы вырывает меня из сна. Или это вовсе не сон, а лишь слаба дрема, сотканная из воспоминаний? Джерси мирно спит в моих ногах и тихо посапывает. Первая ночь в этом доме чертовски длинная. Стрелки часов будто стоят на месте! Не знаю, сколько времени провожу в телефоне, просматривая ленту в Instagram, но, когда первый луч солнца опускается на мои веки, я обнаруживаю себя лежащей поперек кровати в обнимку с Джерси. Я чувствую, как телефон где-то подо мной беспрерывно вибрирует. Пес отказывается убираться с постели, упрямо лежит на боку и только сонно наблюдает за мной. Приходится прибегнуть к радикальным действиям: хватаю простынь и просто вытряхиваю и собаку и свой сотовый, что, подпрыгнув в воздухе, чудом приземляется на кровать, а не на пол.

– Привет, Тая! – здоровается со мной управляющая баром, в котором я подрабатываю.

– Доброе утро. – Голос у меня ещё сонный. – Что-то случилось, раз вы звоните мне… Который час?

– Половина девятого.

– Девятого?! – удивляюсь я, потирая глаза. Не помню, когда последний раз просыпалась так поздно. – Что случилось?

– Извини, Тая, я не могу дать тебе отгул на эти дни. Сегодня ночью в баре произошла драка и пострадали наши ребята.

– О, господи! Что случилось?

– Гости напились и что-то не поделили между собой. Косте попало по голове бутылкой, Наташа вывихнула ногу!

– Какой ужас!

– Не то слово! Мише чудом не сломали нос! В нашем заведении впервые случается подобное. Наташа ведь взялась подменить тебя на эту неделю, но с её ногой… Не знаю, когда она теперь появится здесь. И захочет ли вообще! Я звоню тебе сообщить, что нам нужны люди. И немедленно. Ты работаешь без договора, у тебя нет никаких обязательных отработок в случае, если захочешь уйти. Я придержу за тобой место до завтрашнего утра, Тая. Решай: ты остаешься у нас, или уходишь на другое место? Помни, что за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Я буду ждать твоего звонка завтра в это же время.

«Отличные» новости. Я немедленно набираю Наташу. К счастью, чувствует она себя хорошо, но врач настоятельно рекомендовал воздержаться от пеших прогулок и пару неделек стараться не тревожить лодыжку.

– А как там у тебя дела с новой работой? – спрашивает Наташа. Она что-то жует и настроение у нее, несмотря на случившееся, вполне оптимистичное. В отличие от меня. – Надеюсь, с чертовым подносом ходить не надо?

– Лена сказала, что мне нужно решить, остаюсь я в баре или ухожу. Здесь я на испытательном сроке и неизвестно, получится ли у меня остаться.

– В баре у тебя есть определенность, планшет, поднос и бесконечное количество высокомерных физиономий, которым ты должна под ноги персидские коврики стелить, – смеется Наташа. – Брось! Это же самая дерьмовая работа! Если есть возможность навсегда распрощаться с ней – дерзай!

– Ты уйдешь?

– Моя мама сказала, что вернусь я туда только через её труп. Сказала, что подыщет для меня какую-нибудь несложную работу в офисе. Но сначала мне нужно привести в порядок лодыжку. А что будешь делать ты?

– Пока в замешательстве.

– Слушай, я понятия не имею, где ты там себе местечко козырное откапала, но больше, чем уверена, что ты уже понравилась начальству. Тебе не стоит даже волноваться насчет работы. Она уже твоя!

– Хотелось бы верить. – Обвожу взглядом незнакомые стены. Они кажутся мне холодными и неприветливыми. – Наверное.

Единственный, кто счастлив моему присутствию здесь – Джерси. Он ходит за мной по пятам и даже отказывается выходить на улицу, когда я открываю перед ним стеклянные раздвижные двери. Он смотрит на меня так, словно боится потерять.

– Эй, парень, – опускаюсь я на корточки и глажу его черную и грустную морду, – что с тобой случилось? Вчера носился, как сумасшедший, а сегодня такой печальный.

Приготовив для себя кофе, я выхожу на террасу. Пес выбегает на улицу, мчится вниз к лужайке, но потом резко останавливается и оглядывается на меня.

– Обещаю, я буду ждать тебя здесь!

Неужели он настолько понимает меня, что после услышанного бежит в сторону леска, а уже через пару минут возвращается обратно?

– Все свои делал сделал? – спрашиваю я и потягиваю горячий напиток. – Чем предлагаешь заняться сегодня? Может, мы начнем с мойки окон? Знаешь, моя бабушка, затевая генеральную уборку, всегда начинала именно с мойки окон. Квартира у нее была небольшая, но именно окна отнимали большую часть моих сил. Особенно стирка и глажка тюли. – Джерси опускается и сонными глазами оглядывает расстилающуюся перед ним территорию. – О, нет, дружок! Слинять не получится! Я тут видела в гараже высокую стремянку. Не принесешь? Иначе, как мы будем снимать все эти дорогущие ткани?

Когда из колонок, вмонтированных в стены, начинает звучать песня из моего плейлиста в телефоне, настроение, подпорченное неприятными новостями, значительно улучшается. Я вооружаюсь всем необходимым, чтобы за сегодня помыть как можно больше окон и постирать шторы. Поначалу

всё идет, как по маслу. За уборкой и музыкой я отвлекаюсь от насущных проблем, полностью посвящая себя наведению чистоты в чужом доме. С каждым отмытым окном стены кажутся теплее и, когда подходит очередь до самого большого и пугающего, я издаю протяжный вздох и смахиваю пот со лба. Оно вздымается к самой крыше и сюда нужна стремянка в три раза выше, чем та, которой я пользовалась всё это время. На часах половина шестого вечера и было бы лучше оставить эту работу на завтра. У меня болят руки, да и поясница постанывает, требуя заслуженный отдых.

– Ладно, – вздыхаю я, глянув на спящего у камина Джерси. – На сегодня достаточно мытья. Продолжим завтра, а теперь самое время принять душ и заняться ужином.

Надо же! Стоит произнести слово «ужин», как мохнатая морда тут же подрывается с места. Удивительный пес, ничего не скажешь!

В душе усталость проявляется сильнее. Горячая вода стекает по коже, старается расслабить мышцы, но мои мысли уже в завтрашнем дне. Я ведь даже и половины окон первого этажа не помыла, а впереди второй и третий… И это огромное в гостиной. С чего я взяла, что мне удастся навести чистоту в огромном домище за пять дней, чтобы оставить приятное впечатление у его хозяина? Если к пятнице я вычищу весь первый этаж – это будет настоящее везение, а коль оно меня редко навещает, то шансы мои получить это место весьма невелики. Так стоит ли надрываться, чтобы по-

том мне помахали ручкой, пожелав удачи в поиске работы?

Промокнув волосы полотенцем, я надеваю черную мужскую рубашку и закатываю рукава до нужной мне высоты. Я не люблю халаты и после душа предпочитаю надевать что-то свободное и легкое, чтобы тело дышало.

Джерси ждет меня в спальне. Натянув белые махровые носки, я спускаюсь на кухню, а пес послушно идет рядом.

– Может, просто сварим макароны? – спрашиваю я, открыв правую дверцу широкого холодильника. – Твой хозяин накупил столько продуктов, будто я какой-то жирный и вечно голодный великан. А мне вполне хватит и макарон.

Из колонок звучит неспешная и меланхоличная Young and Beautiful. Сейчас бы самое время врубить что-то безумное в духе Мерлина Мэнсона, чтобы не уснуть прямо посреди кухни, но такого в моем плейлисте с роду не водилось. Ставлю кастрюлю с водой на огонь и насыпаю корм в миску Джерси.

– Приятного аппетита, кавалер. Ты сегодня очень помог мне, знаешь? – Прячу упаковку обратно в нижний ящик, а потом поднимаюсь на носочки, чтобы достать до синей коробки с макаронами, которая стоит у самого края в верхнем шкафчике. Вчера я сама её туда поставила, а теперь мне не хватает роста и сил, чтобы вытащить упаковку обратно! – Будь другом, Джерси, притяни табуретку, – кряхчу я, нащупав коробку кончиками пальцев, – если не хочешь, чтобы я умерла от голода прямо на этом столе, потому что мне навряд ли хватит си-и-ил…

– Тогда, может не стоило так перетруждаться?

Я подскакиваю, вскрикиваю, спотыкаюсь о собственную ногу и если бы моя голова доставала до открытой дверцы шкафчика, я бы точно пробила углом собственный висок. Короткое мгновение и я оказываюсь зажата между ледяной столешницей и мужчиной, внезапно появившемся из неоткуда!

– Ян? – таращусь я на него в панике. Мое сердце громыхает в ушах, часто дышу ртом, будто только что совершила резкий старт. – Что ты… Что вы… Боже! Я же чуть не умерла от страха! Зачем так делать?!

– Этого не случилось бы, ответь ты на мои звонки, – отвечает он с кривой улыбкой. – Я хотел сообщить тебе, что заеду, но ты не ответила.

– Есть домофон! Есть звонок у двери! В конце концов, можно просто сжать кулак и постучать!

Мне всё ещё не хватает воздуха. Мое дыхание прерывистое и тяжелое. Я плавно опускаю веки, изо всех сил стараясь дышать ровно, но ничего не выходит. Момент внезапного появления Яна стоит в голове на репите и каждый раз я пугаюсь с новой силой.

Один.

Два.

Три.

Медленно открываю глаза, поймав успокаивающее дуновение ветра с запахом ледяной мяты. Серые глаза Яна следят

за мной, а его губы слегка приоткрыты. Он наклоняется ко мне чуть ближе и всё во мне болезненно сжимается. Коротко дунув мне в лицо, он внимательно заглядывает в мои глаза и спокойной спрашивает:

– Лучше?

Только сейчас я понимаю, что его руки удерживают меня. Твердая нога прижимается к моему бедру и я чувствую напряжение её мышц собственной кожей. Сигнализация в моей голове срабатывает молниеносно и истерично верещит – не дышать. Не вдыхать его запах, иначе он породит такие фантазии, которые даже с самыми близкими подругами совестно обсуждать.

– Я не хотел напугать тебя, – говорит Ян и отпускает меня. Он подходит к холодильнику, достает стеклянную бутылку воды – единственную, что я поставила туда вчера из всей упаковки. Мой взгляд скользит по его ногам, минует крепкую задницу, потому что это может быть чертовски опасно, и задерживается на широких плечах. Он как будто напряжен. Может, даже сердит, но старается не показывать этого. – Как прошла ночь?

– Спокойно.

Откупорив крышку, Ян оглядывается.

– По правде говоря, я думал, что ты уже слиняла.

– И поэтому вы приехали на четыре дня раньше?

– Мне просто нужно кое-что забрать. Не хотел ехать сюда завтра утром. – Он делает несколько глотков воды, огляды-

вается, а потом снова смотрит на меня. Желваки на его скулах напрягаются. – Ты не одна, да?

– То есть?

Кивнув на мой внешний вид так, будто ответ на мой вопрос более чем очевиден, Ян делает ещё несколько глотков. Опускаю глаза на свои обнаженные ноги в пушистых носках и с конкретным опозданием осознаю, что на мне мужская рубашка, прикрывающая чуть больше половины бедра.

– И что?

– На тебе мужская рубашка, – напоминает он.

– Я в курсе. И что с того?

Ян усмехается.

– Мы договорились, что на испытательном сроке ты сюда гостей не водишь. И уж тем более парней. Я заметил, что сегодня ты занималась уборкой и, должно быть, очень устала, но разве нет иных способов расслабиться после тяжелого трудового дня?

Он говорит со мной так, будто уже повидал всё в этой жизни. Честное слово, не видь я его лица, то решила бы, что ему полтинник минимум!

– Я уже говорила, что у меня нет парня, – напоминаю я, не сводя с него глаз. – А спать с кем попало только ради того, чтобы «снять стресс» – прерогатива мужчин, которые настолько грубы и невоспитанны, что ни одна нормальная женщина не позволит даже кончиком пальца прикоснуться к ней. Я не люблю халаты и поэтому ношу мужскую рубашку.

Если бы я знала, что вечером буду не одна, то непременно разоделась бы как, капуста.

Вода в кастрюле закипает и стеклянная крышка начинает громко трещать и прыгать. Я спешу к варочной панели, но Ян уже отключает подачу газа. Мы снова стоим друг на против друга, правда расстояние значительно больше. И это к лучшему.

– Не обижайся. Обычно девушки надевают мужскую рубашку после секса. Вот я и решил, что ты не одна.

– Это наблюдение из личного опыта, или вы порно насмотрелись?

Напряжение в серых глазах Яна манит, заставляет испытывать любопытство.

– Я заберу, что мне нужно, и сразу уеду. Обещаю, что приеду только в пятницу вечером, – с прохладцей говорит он.

– Вы можете приезжать в любое время, – вырывается у меня. – Ведь это ваш дом.

– С Джерси проблем не было?

– Нет. Оказывается, он очень умный пес. Правда, не хочет спать на полу.

Мужская бровь ползет вверх.

– Он спит с тобой?

Я киваю.

– А ещё отказывается выходить на улицу, если я не выхожу вместе с ним. Вчера он носился по лужайке, а сегодня только и делает, что спит или ходит за мной по пятам. Мо-

жет, приболел?

Ян переводит удивленный взгляд на развалившегося на полу Джерси. Он вылизал всю миску и его пузо заметно увеличилось в размерах.

– Скорее выздоровел.

Я не понимаю, что значат его слова, но уточнять не решаюсь. Да и Ян, кажется, уже собирается уходить.

– Достать макароны? – спрашивает он с подозрительной медлительностью.

– …Нет. Спасибо, я сама справлюсь.

– Ну, да. Что ж, до пятницы.

Ян уходит, не дождавшись от мня ответа. Он оставляет после себя запах, с которым мне бы очень хотелось лечь спать. Помечтав немного о невероятном, я беру табуретку, чтобы достать коробку с макаронами. И вдруг до меня снова доходит одна очень пугающая мыслишка, подкрепляемая напряжением серых глаз. Чтобы подтвердить свои постыдные опасения, я спешу в ванную комнату к зеркалу. Поворачиваюсь спиной к собственному отражению, встаю на носочки и поднимаю правую руку, как делала это несколько минут назад, пытаясь дотянуться до макарон.

– О, господи…

Низ рубашки задирается, выставляя напоказ мою пятую точку. И всё бы ничего, но ведь кроме носков и рубашки на мне ничего нет. Ведь я очень люблю, когда после душа тело дышит.

Глава 5

С наступлением долгожданной пятницы, моя уверенность в себе затухает, как сломанная спичка. Я отказалась от работы в баре, чему обрадовались Соня и Наташа. Они плохо понимают, что я очень рискую, и не только дальнейшим обучением в университете. Если Ян не возьмет меня на эту работу, зарплата в книжном магазине не покроет и половины арендной платы за квартиру и мне придется снова бегать по собеседованиям.

Четыре дня я намывала окна на первом этаже, протирала пыль на бесконечных книжных полках в кабинете, пылесосила, мыла полы, отутюживала штору за шторой и цепляла их обратно. Последнее, кстати, оказалось самым сложным, поскольку все ткани чертовски тяжелые и очень легко мнутся. Помощь со стороны бы тут точно не помешала. Я перемыла всю посуду, что есть на кухне. С половиной справилась посудомоечная машина, с другой – мои собственные руки в желтых перчатках. За ужином я поймала себя на мысли, что испытываю безграничную гордость за себя и свой труд. Каждый уголок, каждая щель, каждая дверная ручка первого этажа светилась чистотой и это была моя личная заслуга. Если бы это был мой дом, я бы сфотографировала всё вокруг и выложила снимки в Instagram, написав что-то вроде: «А быть Золушкой очень даже приятно».

Не свожу глаз с подъездной дорожки. Джерси лежит на моей кровати, прижав уши к голове. Кажется, мое беспокойство передалось ему, а может он просто чувствует, что скоро мы попрощаемся навсегда и уже грустит.

Подъездная дорожка озаряется белым светом автомобильных фар. Черный Range Rover ловко паркуется под длинным навесом.

– Ну, что ж, друг мой, – поворачиваюсь я к Джерси. – Пора идти.

Пес вздыхает. Взяв сумку со своими вещами, я выхожу из спальни и закрываю дверь, надеясь, что мне ещё выпадет возможность переночевать здесь. У лестницы я слышу, как хлопает входная дверь, и мое сердце подпрыгивает в дрожащем предвкушении встречи с Яном.

– Прошу, не переживай! Я вполне могу справиться сама! – раздается веселый женский голос.

Мои ноги прирастают к полу. Джерси издает глухое рычание, а потом срывается с места и мчится вниз по лестнице. Не проходит и пары секунд, как его громкий лай превращается в настоящий собачий ор.

– Джерси, ко мне! – приказывает ему Ян, но пес не повинуется. – Джерси, сидеть!

Набросив ремешок сумки на плечо, я спускаюсь на первый этаж и застаю хозяина с его навалившей в штаны гостьей у входной двери. Ян держит Джерси за ошейник, а тот стоит в атакующей позе и громко лает на высокую брюнетку в бе-

лом брючном костюме.

Умница, Джерси.

– Джерси, идем! – тянет его Ян, но пес не поддается. – Да что с тобой такое, черт возьми?!

– Джерси? – зову я на другом конце коридора. Четвероногий в момент замолкает, но всё так же держит в напряжении прижавшуюся спиной к двери брюнетку. – Иди ко мне, мальчик?

Пес разворачивается и послушно подбегает к моим ногам. Я опускаюсь перед ним на колени, обхватываю ладонями черную морду и провожу большими пальцами за торчащими ушами.

– А я и не знала, что ты бываешь очень злым псом.

– С ума сойти! – ахает брюнетка и начинает смеяться. Она кладет руку на спину Яна, а другую держит на своей груди. – А я не знала, что у тебя есть бешеная собака! Хоть бы предупредил!

– Я сам не знал, – говорит Ян, не сводя с Джерси глаз. – Привет, Тая.

– Добрый вечер, – здороваюсь я, поднявшись на ноги. Смотрю на брюнетку, но она на своей волне и в приветствиях не нуждается. Просто стоит и хохочет.

– Он тебя слушается, – говорит мне Ян. – Как тебе это удалось?

– Мы просто спим вместе.

Девица брезгливо усмехается, а губы Яна трогает слабая

улыбка.

– А его можно закрыть в какой-нибудь кладовке? – спрашивает она. – И будет вообще замечательно, если ты заберешь его куда-нибудь с собой! Ян, дорогой, где тут ванная комната? Мне нужно освежиться.

– Последняя дверь направо.

Брюнетка идет в мою сторону. Я понимаю, что каждый «цок» её высокий каблуков раздражает меня сильнее, чем укусы двадцати комаров одновременно. На всякий случай я беру Джерси за ошейник. Девица закрывает за собой дверь и только тогда я расслабляю пальцы. Я снова опускаюсь перед ним, заметив боковым зрением, что Ян направляется к нам.

– Не обращай на нее внимания. Её просто никто не любит и поэтому она такая злая.

Джерси облизывает правую сторону моего лица и я спешу подняться.

– Очень надеюсь, что вы не станете запирать его где-нибудь в угоду вашей…гостье. Он очень хороший и послушный парень.

– Я это знаю, – совершенно спокойно отвечает мне Ян. Его подозрительный взгляд проходится по ремешку моей сумки и вновь устремляется к моим глазам.

– Здесь только мои вещи, – говорю я, скрывая раздражение. – Лишнего я не взяла, не беспокойтесь.

– Я об этом и не думал.

– Ваш взгляд, полный недоверия и подозрений, говорит

совершенно иное.

Уголки его губ едва заметно поднимаются. Из ванной комнаты доносится какой-то грохот, будто на пол упал баллон с освежителем воздуха.

– Не волнуйся обо мне! – сообщает брюнетка сквозь смех. – Всё в порядке!

Противно даже думать о том, что между этими двумя будет после моего ухода. Девица пьяная, а может и того хуже. Зато, наверняка, безотказная, что очень удобно.

– Мне уже пора, – вру я, поправив ремешок сумки на плече. – Всего хорошего.

Погладив Джерси по голове на прощание, я обхожу его хозяина и направляюсь к входной двери. Ян не заводит разговор об этой вакансии, значит и говорить нам больше не о чем. Испытательный срок, судя по всему, я провалила. А, впрочем, вполне возможно, что он изначально не воспринимал меня всерьез.

– Куда ты собрался? – слышу я пьяный голос девицы.

– Я скоро вернусь. Выпей чего-нибудь в баре.

– Но твой пес рычит на меня!

Его рука задевает мою талию и хватается за дверную ручку. Вперед мне не пройти, ведь перед носом стеклянная дверь, а позади источаемый убийственный жар, Ян.

– Джерси, живо ко мне! – приказывает он. Его низкий голос обжигает мою шею. Все волоски на моем теле топорщатся, реагируя на мужские атомы.

Ян открывает дверь, Джерси выбегает на улицу, а я судорожно хватаю прохладный вечерний воздух и иду не своими ногами. Приказной тон его голоса сворачивает мои внутренности. Он дал команду своей собаке, но выполнить её хочется мне!

– Куда ты так торопишься? – спрашивает Ян. Он идет за мной, а я же спешу скорее оказаться за пределами его владений. – Тебя ждет такси?

– Надеюсь, что так. – Прочистив горло, я резко останавливаюсь и поворачиваюсь к Яну. Сентябрьские сумерки ласкают его угловатое лицо, но жесткость взгляда серых глаз им ни за что не смягчить. Ян подстригся. Темные волоски на висках стали короче и кожа будто светится глубокой синевой. – Вам что-то нужно?

– Ну, во-первых, я бы хотел знать, остаешься ты работать здесь или нет?

– А разве это зависит от меня?

– Я свое решение принял ещё в понедельник. – А случилось это не после того, как ему во всей красе открылась моя пятая точка? – Когда заметил отсутствие штор на окнах. Генеральную уборку моя мама всегда начинала с мытья окон и стирки занавесок, – вдруг делится со мной Ян. Лишь на долю секунды его глаза накрывает тень доброй печали, а потом же привычная холодность в обрамлении совершенной недосягаемости озаряет его ясный и деловитый взгляд. – Я нанимаю тебя. Стирать шторы каждую неделю не надо. Мне про-

сто нужен человек, который будет поддерживать дом, ухаживать за собакой и не доставлять никаких проблем. С первыми двумя пунктами ты отлично справилась, Тая. Если ты даешь слово, что и третий тебе под силу – мы поладим. Каким будет твое решение?

То, что мне хочется слышать от него приказы и безоговорочно выполнять их, входит в список «проблем», которые я могу ему доставить? Бред какой!

Тряхнув головой, я уверенно расправляю плечи. Мне нужны деньги, чтобы оплатить учебу, а следовательно – эта работа. В ней нет ничего сложного, она не представляет для меня никакой опасности, вроде пьяных гостей, размахивающих бутылками. Плюсов много и главный – возможность углубиться в учебный процесс, находясь в тепле и рядом с набитым продуктами холодильником. Конечно, два раза в неделю я буду вынуждена встречаться с мужчиной, от запаха которого у меня пересыхает во рту, а намокает в другом месте, но это не столь важно. Просто физика, химия, природа – как угодно. Мне очень нужны эти деньги и я их заработаю.

Протягиваю Яну руку. Рукопожатие длится ровно столько, сколько требуют исключительно деловые отношения.

– Во сколько начинается мой понедельник?

– В восемь. – Ян достает из кармана косухи белый чип и протягивает его мне. – Ключ от домофона. Вдруг мне нужно будет уехать раньше или тебе выйти на улицу, чтобы погулять с Джерси.

Кладу чип в карман худи и согласно киваю.

– Отлично. Тогда, не смею вас больше задерживать, – говорю я, с трудом скрывая детскую радость. Мне удастся оплатить учебу и целый год не будет упущен. Я готова расцеловать Соню, ведь именно из-за нее я оказалась здесь. – Хорошего вечера, Ян.

Разворачиваюсь на пятках и от радости поджимаю губы. Мне очень хочется закричать и я обязательно это сделаю, но подальше от моего нового работодателя. Иначе решит, что у меня с кукушкой проблемы.

– Тая? – зовет меня Ян. Я оборачиваюсь, сунув руки в сплошной карман худи. – Обращайся ко мне на «ты». Я не выношу выканья.

– …Хорошо.

Сделав пару шагов назад, Ян добавляет:

– И захвати с собой побольше одежды. Так, на всякий случай.

Он разворачивается и возвращается к дому, где его ждет безотказная и пьяная дама в наикрутейшем белом костюме. Не сложно догадаться, чем для них с Яном закончится эта ночь. Как и то, что он всё-таки видел в прошлый понедельник, когда я пыталась достать те чертовы макароны.

Глава 6

В воскресенье Соня озвучивает вопросы, которые, так или иначе, крутятся в моей голове.

Кто этот Ян?

Чем он занимается?

Сколько ему лет?

Кто его родители?

Есть ли у него девушка?

И почему он не потребовал от меня никаких документов?

– А вдруг ты шпионка? Вдруг тебя послали враги его семьи, например? Или какая-нибудь банда грабителей, положившая глаз на его шикарный домик? На его месте я бы сделала копию твоего паспорта и проверила тебя по всем базам.

Пожимаю плечами, не испытывая желания и потребности делиться своим мнением на этот счет. Возможно, что ему просто пришлась по нраву моя попа и этого было достаточно. Левая ягодица – фото. Правая – основные данные. Самое интересное, что меня это совершенно не пугает.

– Ты какие фильмы смотришь в последнее время? – хмыкаю я, расставляя на полках свежую партию популярных любовных романов. – Лучше возьми и почитай вот эту чудесную книгу, которая называется… О, мой, бог.

Демонстрирую Соне бледно-желтую обложку с изображением синего банана на фоне полных женских губ.

– Ух ты! – заинтересованно глядит она на обложку. – «Девственница на миллион, или как умеет Ева». А современные романы о любви стали очень даже занимательными, не находишь? Надо бы почитать.

– Расскажешь потом, – смеюсь я, складывая пустые коробки в одну большую.

– Возьми сама почитай. Времени теперь у тебя – вагон!

– И, поверь, я проведу его с пользой.

– Сидеть за учебниками и строчить конспекты – это, конечно, хорошо. Но можно и немного побаловать себя, раз уж многое в твоей жизни стало обретать порядок.

– Чем, например?

– За всё то время, что мы с тобой знакомы, нам ни разу не удавалось выбраться куда-нибудь. У тебя были ночные смены в баре, репетиторство с десятиклассником, работа в книжном. Кстати, а что там с твоим школьником?

– Ничего. Договорилась с его мамой, что мы будем заниматься по вечерам в субботу и воскресенье с пяти до семи. По видеосвязи.

– Да ладно! Ты ведь ему весь кайф обломала! А, впрочем, так ему проще поглаживать своего солдата в штанах. Ты то всё равно не заметишь.

Соня хохочет, а я, покрутив пальцем у виска, нервно озираюсь, боясь, что нас могут услышать покупатели.

– Ты до ужаса испорченная девчонка! – шикаю я с улыбкой. – Знаешь об этом?

– Не льсти мне. Испорченные обладают уверенностью, а я только на разговорах смелая! Бывает, читаю нечто подобное, – шепчет она, повернув ко мне обложку очередного любовного романа, – а там главная героиня – настоящая львица в постели. Мужик от нее с ума сходит, сама кончает каждые три минуты и секс у них длится по три-четыре главы. И я думаю, ну, вроде бы я всё это знаю. Все её действия очевидны, ничего нового для себя не нахожу. Но вот стоит нам с Женей начать и я тут же превращаюсь в лапшу. У тебя бывало такое? Надо бы взять его агрегат и заглотить поглубже, ведь это же просто! Все эти Жозефины, Салли, Джины, Шины так круто делают минет, а чем я хуже? Но у меня никогда ничего толкового не выходит и в итоге наш интим превращается в типичный, среднестатистический трах, длительность которого уместилась бы в одно-два предложения. Это я всё к чему? – вспоминает Соня, расставив руки в боки. – Ах! Да! Я считаю, что женщина должна быть испорченной. Испорченная, значит, знающая, уверенная и ни секунды не боящаяся рисковать. И это я не только про секс говорю. А вообще! Короче, учебники учебниками, но мы обязаны с тобой выбраться куда-нибудь.

Её длинная речь становится причиной моего продолжительного смеха.

– От обсуждения таинственной личности моего нового работодателя ты каким-то невероятным образом перескочила на секс и то, как важно для женщины быть испорченной, а

заключила всё предложением куда-нибудь выбраться! Ты открываешься для меня с новой стороны.

– Мы с тобой – девочки. А им часто жизненно необходимо где-нибудь посидеть, выпить коктейль, потанцевать и пофлиртовать с парнями.

– А Женя то в курсе об этих твоих развлечениях?

– Я же ни с кем не сплю, кроме него. А флирт с другим очень даже повышает самооценку, да и для здоровья полезно. Это как секс, только в более легкой и безопасной форме. Ну, так что? Выберемся?

– Можно, – улыбаюсь я, закусив губу. – К тому же, кажется, есть, что отметить.

– Ещё бы! Жить пять дней в неделю в роскошных апартаментах, плавать в бассейне, устраивать пикники на берегу личного озера – сказка, которую необходимо отпраздновать.

– Я не устраиваю пикники на берегу озера! И в бассейне не плаваю, потому что считаю, что это – сугубо личная и интимная территория.

– Ох, милая моя, – с наигранной грустью заключает Соня, – да тебе ещё взращивать и взращивать свою испорченность! Ох! Гляди, сколько покупателей стоят на кассе! Я побежала!

– Сумасшедшая же ты! – смеюсь я, ущипнув её за поясницу.

Тем не менее, слова Сони об испорченности женщины прочно заседают в моей голове. Можно ли считать меня ис-

порченной, если мне ничуть не стыдно перед Яном за тот неловкий момент на кухне? Возможно, что я должна покрываться красными пятнами всякий раз, когда он смотрит на меня и предполагать, о чем именно он думает в этот момент? Не о моей ли обнаженной попе? А что насчет необъяснимого желания подчиниться ему? Скажем, если Ян прикажет мне немедленно выгулять Джерси, я, безусловно, сделаю это, ведь забота о четвероногом входит в мои обязанности. Но если, Ян прикажет немедленно подойти к нему, я сделаю это с особым желанием. Своим собственным. Зарожденным внизу живота и совершившим скорейшее путешествие к набухшим соскам.

Так и что, меня уже можно считать испорченной?

* * *

Первая рабочая неделя полна событий и лишь одним из них я остаюсь не слишком довольна. Утро понедельника начинается не с долгожданной встречи с Яном. В тот момент, когда я открываю калитку с помощью своего чипа, ворота в двух метрах от нее начинают отъезжать в сторону. Агрессивный Range Rover с пугающим рыком пролетает мимо меня, и всё, что я успеваю заметить сквозь затемненное стекло – мужскую руку на руле. Что ж, по крайней мере, мне не пришлось снова встречаться с его девицей, которая, наверняка, провела в этом доме все выходные.

Из приятного: я знакомлюсь с соседом, чей двухэтажный дом выполнен в кричащем стиле модерн, а его лужайка, которой нет конца и края – настоящее произведение искусства. Хозяином сего убранства оказывается приятный мужчина лет сорока с платиновыми волосами и улыбкой настолько белоснежной, что можно ослепнуть. Игорь любезно делится со мной номером телефона своего садовника и уже в четверг лужайка Яна и все многочисленные насаждения обретают ухоженный и приятный вид.

За пять дней мне почти удается помыть все окна на втором этаже. В этот раз работа продвигается куда медленнее, чем на прошлой неделе, и в итоге нетронутой остается только та комната, в которой живу я. А, вообще, моя медлительность вполне объяснима – спальня Яна отнимает значительно больше времени, чем те, что предназначены для гостей. Меня отвлекают запахи в его гардеробной, в ванной комнате, на кровати… Даже плотные серые шторы и те пахнут мужским парфюмом, сплетенным с собственным запахом Яна. Меняю белое постельное белье на черное и, спуская грязное в прачечную, стараюсь не думать об этой пьяной девице, которая провела с ним выходные. А она точно провела их именно здесь, можно не сомневаться. Потому что на её месте, я бы сделала так же.

Привычки лазить в чужих вещах у меня никогда не было, но, вылизывая каждый уголок хозяйской спальни, я очень надеюсь наткнуться хоть на что-то, что может открыть для

меня личность Яна. Средства личной гигиены в шкафчике над раковиной, зарядные устройства для всех видов современных гаджетов, капли в нос, упаковка презервативов – так себе помощники. Правда, последнее подтверждает и без того очевидное – Ян ведет активную сексуальную жизнь и уделяет должное внимание защите собственного здоровья.

Я достаю последнюю чистую тарелку из посудомойки, когда входная дверь громко хлопает. Ян что-то говорит, и мой попрыгунчик под ребрами махом теряет желание скакать от предвкушения. Натягиваю худи, обходя лежащего на полу Джерси. Интересно, сегодня Ян привез сюда ту же девицу, или уже другую?

– …и меня это не волнует, ясно – недовольно бросает Ян, появившись в гостиной. Мои ноги моментально прирастают к полу. – Если ты всё ещё доверчив, как слепой котенок, то это твои проблемы. Поговорим завтра, я занят. Да, пока.

Ян поджимает губы и бросает телефон на гладкую поверхность невысокой тумбы, где могли бы стоять рамки с семейными фотографиями. Но в этом доме нет ни единой фотографии и потому все подобные поверхности пусты и одиноки.

– Привет, Тая, – здоровается он, бегло пробежав по мне абсолютно незаинтересованным взглядом. – Как вы тут? – треплет он за ухо Джерси.

– Привет… Кхм, да пойдет. Джерси уже поел, так что советую больше его не кормить.

– Так говоришь, будто у вас уже что-то приключилось.

– Вчера он надавил на жалость и я угостила его макаронами с сыром. Скажу одно: не стоило этого делать.

Ян улыбается, продолжая тискать счастливого пса. Его взгляд кажется уставшим, и, думаю эта неделя выдалась для Яна весьма утомительной.

– Ладно, я пойду. Думаю, такси уже здесь.

Ян поднимается и снова берет свой сотовый с тумбы.

– Тебе как удобнее получать деньги? На карту или наличными?

– На карту было бы лучше.

– Хорошо. По номеру телефона найду тебя?

– Да.

Джерси подходит ко мне и тычется мордой в мое бедро.

– Кажется, он не хочет, чтобы ты уходила, – улыбается Ян, поглядывая то на собаку, то в экран своего телефона. – Кстати, со мной он не спит. Видимо, я не в его вкусе.

– Наверное, просто не хочет быть третьим лишним, – отвечаю я с улыбкой и только потом понимаю, что сказанула неимоверную хрень. – Мне уже пора, – пячусь в сторону коридора. – Пока, Джерси!

– Деньги я перевел, – сообщает Ян, следуя за мной.

Продолжаю пятиться, увеличивая скорость лишь потому, что шаги Яна слишком уверенные и большие. Он идет прямо на меня, смотрит на меня! Если его так разозлила моя необдуманная реплика, то я очень и очень сожалею, честно!

– …Спасибо. Хорошего… Хорошего вечера, – заикаясь, повторяю я и буквально врезаюсь спиной о стеклянную дверь. – Ой!

Ян останавливается в метре от меня и склоняет на бок голову.

– Что? – не выдерживаю я.

– Ничего, – усмехается он. – Зачетный газон. Только не говори, что ты собственноручно покорила газонокосилку?

– Нашла садовника, как ты и хотел.

– Так быстро? – удивляется Ян. – Обычно их днем с огнем не сыщешь. Дельных я имею в виду.

– Это не моя заслуга. Твой сосед поделился.

– Вот как, – сощуривается Ян, а его взгляд медленно и изучающе проходится по моему лицу. – Забавно.

Мой сотовый в кармане джинсов громко звонит.

– Я пойду, – повторяю в сотый раз за сегодня. – Наверное, водитель меня уже заждался.

– Хороших тебе выходных, Тая.

– Взаимно.

Тряхнув головой, я открываю дверь и с удовольствием вдыхаю ворвавшуюся прохладу. Сотовый в кармане продолжает дребезжать. Спешу к калитке, мечтая оказаться в какой-нибудь морозильной камере, иначе у меня реально останутся ожоги на коже!

До чего же настойчивый водитель! Даже не думает отбивать звонок! Распахиваю калитку, дабы увидев меня, он сра-

зу понял, что я не в духе. Но смотреть на меня некому, потому что такси здесь нет.

Тревога моментально накрывает меня ледяной волной. Достаю сотовый, который ещё никогда в жизни не трезвонил с такой продолжительностью. Растерявшись, я даже не сразу соображаю, что на том конце провода Дарья – хозяйка квартиры, которую я снимаю. Мы общаемся с ней в месенджере, а деньги я перевожу на карту. Я даже голоса её не помню, потому что последний раз мы встречались два года назад, когда я въезжала в квартиру, что она сдавала!

Почему вдруг она звонит мне?

– Алло? – Мой голос вздрагивает.

– Боже, Тая! – кричит она. Сердце мгновенно уходит в пятки. – Здесь какой-то кошмар!

– Дарья, я плохо слышу вас… Что случилось?

– Она горит! – слышу я прерывистые слова. – Моя квартира горит! Здесь пожар!

– ЧТО?! – вскрикиваю я, с трудом устояв на ногах. – Как? То есть? Почему? Как это?!

Сотовый выскальзывает, руки трясутся. Мне не хватает воздуха, я не могу сообразить, что мне делать и просто стою, согнувшись пополам. Что я делала до этой минуты? Ждала такси? Или машина уже уехала? Я ведь собиралась домой, планировала принять ванну и…

Как горит? Почему горит? Зачем?

– Тая? Что случилось?

Низкий голос Яна вырывает меня из оков паники. Расставив руки в боки, я оглядываюсь, потом снова смотрю на него и снова оглядываюсь. В моей голове ворох мыслей, полный кавардак. В квартире мои документы. ВСЕ мои документы, за исключением паспорта. Вещи, ноутбук, чемоданчик с фотографиями, где запечатлено мое детство. Да много чего ещё, что мне удалось нажить за свои двадцать лет!

– Тая? – Ян подходит ближе и заглядывает в мои глаза. – Что случилось?

– В квартире, которую я снимаю, пожар. – Опускаю ладонь на лоб, глаза в панике мечутся из стороны в сторону.

Почему я?

Почему именно со мной?

Почему именно сейчас, когда в моей жизни стало всё более менее налаживаться?

– Поехали!

Распахиваю взгляд. Ян поднимает мой сотовый с холодного асфальта и молча возвращается во двор. Не будь мое положение настолько безнадежным, я бы даже обрадовалась возможности стать его пассажиркой. Но сегодня абсолютно не тот день.

Глава 7

В Instagram часто мелькают страшные фотографии и видео с места происшествия. Частные постройки, многоквартирные дома, машины, ангары, магазины, склады – всё объято ярким пламенем. Люди теряют возможность продолжать работать, товар, имущество, деньги, а самые невезучие – лишаются крыши над головой. В голове возникает коллапс обыденности, к которой за годы жизни привыкает человек, ведь теперь у него нет дома, где он изо дня в день совершал определенный набор действий. Принять душ – негде. Лечь спать – негде. Разогреть суп – не на чем. Переодеться – не во что. Собственный уголок с личными вещами в целой вселенной исчезает и остается только ждать, когда в затуманенной голове появится хотя бы слабый лучик просвета.

– Это же какой бесчеловечностью нужно обладать, чтобы поджечь квартиру, где живет семья с тремя детьми! – слышу я голоса жителей из соседних домов. В основном бабульки. – Не человек, а чудовище!

– Тая, как ты? – Дарья тихонько вздыхает. – Знаю, глупый вопрос. Но, возможно, твоему другу удастся договориться, чтобы тебя пропустили и ты забрала хоть какие-то вещи…

Я молча киваю. Мы обе понимаем, что навряд ли это возможно. Внутри мои документы, мой ноутбук, конспекты, учебники, вещи! Соседка, имени которой к собственно-

му стыду я не знаю, громко рыдает, требуя пожарных пропустить её в квартиру, чтобы она могла забрать хотя бы одежду для детей.

– Пострадали два этажа, – сообщает нам Ян. – Принято решение эвакуировать весь подъезд. Сегодня туда точно никто не попадет.

Женщина в полицейской форме просит жильцов соседних подъездов и приехавших на место происшествия родственников по возможности приютить оказавшихся в сложной ситуации людей. Тем, у кого нет вариантов, предоставят ночлег в соседней школе.

– Ты, наверное, к родителям поедешь? – скорее не спрашивает, а констатирует Дарья. Я снова молча киваю. – Хорошо. Завтра я позвоню тебе, как только узнаю, когда можно заходить в квартиру. Очень надеюсь, что это будет завтра.

– Буду ждать.

Дарья оглядывает нас с Яном, а потом коротко кивает в знак прощания и возвращается к своей белой Skoda.

– Ян, спасибо, что ты привез меня. – Повернувшись к нему, я набрасываю на голову капюшон, будто так он поможет мне сдержать слезы отчаяния. – Уже слишком поздно и тебе лучше вернуться домой.

– Мне не сложно отвезти тебя к родителям, – говорит он, кивнув в сторону своего джипа.

– Не нужно, – спешу ответить я. – Я сама справлюсь. Правда, уезжай. Мне и без того неловко, что ты столько времени

на это потратил.

Я даже не знаю, как описать это гребаное чувство, когда понимаешь, что тебе абсолютно не к чему прибиться. Нет угла, нет крыши, нет чертового туалета, в конце концов! Всё, что на мне – единственные мои вещи и я даже белье сменить не могу, потому что у меня нет запасного.

– Тая, – голос Яна звучит намного тише обычного, – ты можешь вернуться в мой дом, если не хочешь ехать к родителям. Там есть твои вещи и всё необходимое.

– Нет, что ты, – тут же отрицаю я. – С этим проблем нет, мне есть, где остановиться. – Ян испытующие смотрит на меня. – Честно!

– Хорошо. Тогда, позволь мне отвезти тебя?

– Есть такси, Ян, – отвечаю я слишком резко, за что тут же чувствую себя виноватой. Я отворачиваюсь, поджав губы так сильно, чтобы хоть эта боль отвлекла от той, что многие годы мне удавалось сдерживать, но в минуты самые худшие и отчаянные, она постоянно вырезает внутри меня самые изворотливые фигурки тупым и ржавым ножом. – Всё в порядке, правда.

– Если ты не хочешь ехать к родителям, ты можешь поехать со мной…

– Да нет у меня родителей! – выпаливаю я, резко повернувшись к нему. – Отца я никогда не видела, а маму лишили родительских прав, когда мне было восемь! Хватит уже об этом, пожалуйста! – Опустив веки, я разминаю рукой шею,

стараясь хоть немного взять себя в руки. – Извини за это. – Медленно открываю глаза, пытаясь отогнать образ мамы, что в последнее время слишком часто напоминает о себе. – Просто нервы. Всё, что сейчас происходит, несказанно бесит меня.

– Так, поехали? – предлагает он, едва я заканчиваю говорить. – Не знаю, как ты, а я бы не прочь выпить чего-нибудь крепкого и отключиться.

Его слова вызывают во мне улыбку. Сунув руки в сплошной карман худи, я неспешно иду рядом, оставляя позади чужие голоса. Завтрашний обед я проведу за поиском новой квартиры.

* * *

Всю дорогу к дому я продумываю дальнейший план действий. Готовя себя к худшему, в котором все мои документы и личные вещи уничтожил пожар, я выделяю важное и второстепенное. Из первого – мне нужно срочно восстановить стандартный пакет документов и я очень надеюсь, что дело не заставит себя долго ждать, ведь мой паспорт всегда со мной, а он – основа основ. Из второго – купить ноутбук, а потом собрать новый гардероб по мере возможности, поскольку первым делом я заплачу за учебный год в университете и уже потом смогу тратить деньги на иные нужны.

– Проголодалась? – спрашивает Ян, нажав кнопку на

плоском пульте. Ворота перед нами начинают открываться.

– Нет.

– А если честно? – поворачивает он ко мне голову.

– Нет, – повторяю я, взглянув на него.

Остановив автомобиль под навесом, Ян глушит двигатель.

– Я благодарна тебе, – говорю я, не дав ему возможности открыть дверцу. Ян смотрит на меня, но мне смелости сделать то же самое не хватает. – Очень. Обещаю, что уже на следующей неделе меня здесь не будет. На выходных я имею в виду.

– Почему ты смутилась, когда я предложил тебе остаться здесь? – прямо спрашивает он. – Ты и сейчас это делаешь.

– Потому что приезжать сюда на работу – одно. А находиться здесь вне рабочее время – совсем другое.

– Тая, я не собираюсь трахаться с тобой.

У меня даже нога дергается от услышанного.

– …Я не об этом.

– А по-моему как раз об этом. Я предложил вернуться сюда только с одной целью – чтобы ты не снимала номер в гостинице на ночь глядя и не обзванивала друзей с просьбой приютить тебя. Ты работаешь в этом доме, ухаживаешь за ним и здесь у тебя есть своя спальня. Деловые отношения между нами соблюдаются и вне рабочее время, – как бы напоминает он. – Тебя не должно это волновать. И если я предлагаю тебе остаться в моем доме и выпить стаканчик виски, это не значит, что я нашел возможность переспать с тобой. Я

просто хочу помочь тебе вот и всё. Мне удалось хоть немного подвинуть твою неловкость?

Улыбка дается мне сложно. Джерси встречает нас радостным лаем и не знает, на кого же первого запрыгнуть от счастья. В присутствии Яна я ощущаю я себя в стенах этого дома совершенно по-другому. Гостьей.

– Приму душ и переоденусь, – сообщает мне Ян, поднимаясь по лестнице. – Ты будешь здесь?

Ян.

Душ.

Горячая вода, стекающая по его выпуклым венам на руках.

– Я займусь тем же самым. – «Займусь»? Не могла подобрать другого слова? – То есть, мне нужно переодеться.

Ян поднимается, глядя себе под ноги.

– Если захочешь выпить чего-нибудь – спускайся. Я чертовски устал за эти дни и не откажусь от порции виски.

Джерси встает на задние лапы и облизывает мое лицо. В ушах до сих пор звучит низкий голос Яна и его отчеканенная фраза: «Тая, я не собираюсь трахаться с тобой».

Вот же черт… Неужели у меня на лице написано, что я думаю об этом? Не всегда, но, когда он рядом я не могу не делать этого, чувствуя запах его кожи. Впрочем, Ян ведь полагает, что эта мысль заставляет меня беспокоиться. Пусть так. Для меня это даже удобно. Пока ему невдомек, что мое тело реагирует на него, как статичные волосы на расческу,

я обеспечена работой, деньгами и возможностями, что они открывают. А вот стоит Яну только усомниться в невинности моих мыслей, как я тут же лишусь работы. Я ведь обещала, что не доставлю ему проблем. Между нами только деловые отношения В и ВНЕ рабочее время.

Глава 8

Обмотав мокрое тело махровым полотенцем, я спешу к телефону. Дарья сообщает, что завтра после трех я могу подъехать на квартиру и забрать свои вещи. Не ожидала, что информация появится так скоро. Она тоже будет там с прорабом, чтобы оценить ущерб и знать, какая сумма потребуется на ремонт. Хватаю по привычке мужскую рубашку, но вовремя осознаю, что это не лучшая идея и набрасываю на себя белую футболку и джинсовые шорты. Теперь это единственная моя одежда для повседневной носки.

Внизу играет легендарная To The Moon & Back, и мои губы невольно трогает улыбка. Мне нравится эта песня. А впрочем, разве найдется человек, равнодушный к таинственной музыке и успокаивающему голосу, не говоря уже самих словах? Кажется, Ян что-то готовит. Пахнет базиликом и мягкой сливочной пудрой. Я обнаруживаю его за островком с выражением усталым, но всё же задумчивым. На нем тоже белая футболка. Она свободная, круглый вырез с эффектом растянутости и мелкими надрезами. Прежде мне не доводилось наблюдать за мужчиной на кухне, но могу с уверенностью заявить, что Ян, в руках которого острый разделочный нож с широким лезвием – самое сексуальное и возбуждающее явление в этом мире.

Когда он замечает меня, мои ноги тут же направляют ока-

меневшее тело вперед. Будто бы я не стояла вот так целую вечность, а только что появилась.

– Что готовишь? – спрашиваю я, направляясь к нему.

Ян опускает нож и протирает руки полотенцем.

– Пасту с курицей и грибами в сливочном соусе. Не против?

– Я не голодна, Ян.

– В этом я сомневаюсь. – Выдержав короткую паузу, он открывает стеклянные дверцы бара. – Что тебе налить? Виски? Вино? Есть ликер, джин. – Ян поворачивает ко мне голову. Его взгляд прожигает меня насквозь. А быть может, это всего лишь мое воображение. – Что ты предпочитаешь?

– То же, что и ты.

– Отличный выбор! – улыбается он и откупоривает знакомую квадратную бутылку с виски. Добавив два кубика льда, Ян протягивает мне мой стакан и берет свой. – За всё хорошее?

– Верно.

Первый глоток дается мне нелегко. Я закашливаюсь. Мне становится смешно и стыдно одновременно. Яна это тоже забавляет, но он, спасибо ему, сдерживает смех. Он возвращается к готовке, а тем временем, To The Moon & Back начинается сначала. Ян тянется к своему сотовому, что лежит на краю островка, но я осторожно протестую.

– Не надо. – Кусаю губу. – Песня красивая. И я спустилась, когда уже была середина, так что, дай послушать. – Я сажусь

на один из трех барных стульев, и опускаю руки на выпирающую часть островка. Занимающийся приготовлением ужина хозяин дома прямо перед моим носом. – Ян, я получила деньги. – Он продолжает молча нарезать свежие шампиньоны. – Но ты отправил больше, чем мы договаривались.

– Пятьдесят процентов – испытательный срок. Плюс испорченные джинсы.

– Мы так не договаривались, – упрямо смотрю я на него. – Испытательный срок не оплачивается.

– У меня оплачивается. – Добавив шампиньоны в сковороду к кусочкам курицы, Ян расставляет ладони на гладкой поверхности стола и с такой внимательностью заглядывает в мои глаза, будто надеется в них что-то найти. Напряжение во мне растет, в затылке пульсирует. – Сколько тебе лет?

– Если бы ты потребовал мои документы, то знал.

– Тебя это не оставляет в покое, верно? – усмехается Ян.

– Просто не могу найти толкового объяснения. В сомнительных конторах требуют весь пакет, что имеется, а состоятельный человек, вроде тебя, даже фамилию не спросил. Просто впустил в свой роскошный дом чужого человека. Часто так делаешь?

– А ты часто доверяешь объявлениям, которые мог написать какой-нибудь сутенер, к примеру? Уж он-то точно потребует от тебя паспорт, а потом скажет, что отдаст, когда «выполнишь план».

– Сколько ты знаешь!

Ян усмехается. Помешав курицу с шампиньонами, он снова поворачивается ко мне, делает глоток виски и спрашивает:

– Так часто?

– Я не хотела приезжать сюда. Какой-то парень принес стопку этих объявлений в книжный магазин, где я работаю, и я собиралась все их выбросить. Но моя подруга предложила рискнуть и я это сделала.

– Ты работаешь в книжном магазине?

Киваю с полуулыбкой и делаю очередной глоток. Лед не только охлаждает виски, но и разбавляет. Самое то для меня, ведь алкоголь я употребляю крайне редко.

– По выходным.

– Понятия не имею, кто написал это объявление. Ни я, ни мой отец никому команду не давали.

– Хочешь сказать, что… На самом деле в моих услугах ты не нуждался и взял меня только по доброте душевной?

– В том то и дело, – задумчиво произносит Ян. – Я действительно хотел найти человека, который присматривал бы за домом и обсуждал это с отцом. Но объявлений мы не давали. – Усмехнувшись, он снова смотрит на меня. – И всё же, часто ты идешь на столь опасный риск?

– Это впервые.

Надеюсь, мне одной чудится в моих же словах тень интимности и Ян неотрывно глядит на меня по иной причине. В любом случае, я спешу развеять его догадки. И неважно,

имеют они место быть или нет.

– Мне нужны были деньги. Третий курс в университете нужно оплатить полностью. Мало того, что сумму нельзя разбить на части, так ко всему прочему она значительно возросла. Работая только в баре и книжном магазине, я бы её точно не потянула.

– Сколько тебе лет? – снова спрашивает меня Ян. Настроение в его взгляде меняется. Он будто удивлен и насторожен.

– Двадцать. – Пользуясь случаем, решаюсь задать тот же вопрос, только подкрепляю его веселой улыбкой. – А тебе?

– Завтра исполнится тридцать два.

Ян старше меня на двенадцать лет.

Идеально.

«В моде всегда были и будут опытные мужчины. Когда станешь взрослой, поймешь, что выгоднее всего быть с тем, кто старше тебя не больше и не меньше, чем на двенадцать лет. Это идеальная разница в возрасте для абсолютно любой стороны».

Это пришло ко мне из сна или детская память решила поиздеваться?

– Так завтра у тебя день рождения, – стараюсь я улыбнуться. – Отмечаешь?

– Подозреваю друзья что-то затеяли.

– Каждый год сюрпризы устраивают?

Ян высыпает в кипящую воду макароны, а в сковороду медленно вливает сливки и аккуратно помешивает деревян-

ной лопаткой.

– Я не отмечал пять лет, – говорит он, стоя ко мне спиной. – Моя мама умерла за неделю до моего дня рождения и мне тогда было не до праздника. Всегда старался уезжать из города в это время, чтобы быть подальше от поздравлений и празднований и чтобы ни у кого не возникло желания приехать ко мне с подарками и шампанским. Но завтра этого избежать не удастся, – усмехается Ян, накрыв кастрюлю крышкой. – Значит, завтра ты работаешь в книжном магазине? – спрашивает он, повернувшись ко мне.

– Да. Но ты не беспокойся насчет моего присутствия, – сообщаю я, – на выходные останусь у подруги. Завтра после трех поеду на квартиру, чтобы забрать вещи, если, конечно, там хоть что-то осталось. А потом поищу новое жилье.

– Сказали, что уже можно?

– Да. Я сама удивилась, что так быстро.

– А почему меня должно беспокоить твое присутствие? К тому же завтра я навряд ли сюда вернусь.

– Вот как.

Это известие меня расстраивает. Ян продолжительно кивает, обдумывая план действий.

– Если ты останешься здесь на выходные, тогда мне нет смысла приезжать, чтобы покормить Джерси и погулять с ним. Всё равно если какая-то вечеринка и будет, то в городе. Там я и останусь. В воскресенье я хочу выспаться и ехать сюда мне не захочется. Так что, оставайся тут. Проблем нет.

«Вообще-то есть – я не хочу, чтобы ты уезжал»!

Делаю большой глоток виски, чтобы мои неуместные мысли захлебнулись. Жидкость обжигает горло, я чувствую, как она спускается к желудку. В ушах продолжительным эхом неумолимо проносится голос мамы и меня это, мягко говоря, уже начинает подбешивать.

– На кого ты учишься? – интересуется Ян.

– Я на филологическом факультете. Очень хочу связать свою жизнь с издательской деятельностью, – откровенничаю я, вновь поддавшись мечтам. – Что угодно, только пусть это будет связанно с книгами.

– Романтичная натура, – улыбается Ян. – Но ведь есть какие-то особые предпочтения?

– Хочу заниматься переводом иностранной литературы, – признаюсь я. Кажется, этот виски меня разговорил. – Писатель бы из меня не вышел, но вот интерпретировать иностранный текст для носителей иного языка – это как быть правой рукой самого автора и писать вместе с ним. Как-то так.

Ян задерживает на мне продолжительный взгляд, а потом убирает с огня сковородку и накрывает её крышкой. Макаронам остается готовиться не больше пары минут. Песня заходит на третий круг и Ян, покачав головой с кривой улыбкой, совершает быстрые манипуляции на своем телефоне. Звучит знакомая и очень тихая музыка. Мне не сразу удается узнать песню.

– Значит, ты работаешь в книжном магазине, баре и здесь, чтобы оплатить свою учебу? – спрашивает Ян, оглядев мое лицо. – С ума сойти.

– В баре я больше не работаю.

– Потому что пять дней в неделю проводишь здесь, – констатирует Ян. – А в выходные – книжный магазин.

– И репетиторство по два часа.

Замечаю, как его глаза стремительно увеличиваются в размерах и начинаю смеяться.

– Обалдеть. В тебе что, солнечные батареи установлены?

– Это не так сложно, как кажется. Главное, чтобы между работами была возможность отдохнуть хотя бы пару часов.

– «Пару часов»! Тебе двадцать лет, – говорит Ян. – Лишь единицы девушек твоего возраста задумываются о будущем. Инвестировать в себя, а не во внешность – редкое явление. Честно, я удивлен.

Наконец, после длительного вступления звучит приятный женский голос, но песня всё равно остается для меня загадкой.

– You cover me, – будто читая мои мысли, объясняет Ян. – Саундтрек из фильма «Лондонские поля».

– Я не смотрела.

– Наверное, потому что у тебя мало свободного времени. – Ян улыбается и принимается к завершающей части приготовления ароматного ужина.

Меня завораживают его движения и в особенности – руки.

Когда длинные пальцы прикасаются к кухонным принадлежностям, я испытываю зависть. Я бы не прочь оказаться деревянной лопаткой, которой он размешивает сливочный соус. Но самым убийственным в этом немом кино с эротическим подтекстом оказывается его язык. Вливая соус в кастрюлю с макаронами, Ян случайно задевает его указательным пальцем. Когда он слизывает белую каплю, у меня кровь стынет в жилах. До этого момента я испытывала чувство голода, но после оно в мгновение трансформировалось в несколько иное состояние. Поджимаю колени и залпом выпиваю остатки виски. И страшно, и приятно.

– Успокоилась немного? – спрашивает он, накладывая в две большие белые тарелки готовую пасту. Не сразу понимаю о чем он, пока не ловлю его взгляд на моем пустом стакане.

– Да, спасибо. – Вообще-то нет. Алкоголь расслабляет мышцы в тех местах, где просто жизненно необходимо сдерживающее напряжение. – Но больше не надо.

– Может сок?

– Было бы чудесно.

Спустя минуту передо мной стакан с виноградным соком и тарелка ароматной пасты, а слева – Ян, занявший соседний барный стул.

– Тебе не скучно здесь? – спрашивает он, когда я накалываю первую макаронину.

– Ничего подобного не заметила.

Он усмехается.

– Ещё бы! Ты вычистила половину дома.

– Процентов сорок пять. А ты, случаем, не профессиональный повар?

– Так, любитель.

– Безумно вкусно, Ян.

– Я готовлю только, когда есть настроение.

– Наверное, так делают многие.

– Судя по отсутствию контейнеров в холодильнике и пустым кастрюлям, у тебя его никогда не бывает, да? – Наши взгляды встречаются. – Ты готовишь себе что-нибудь, когда живешь здесь?

– Разумеется. Не каждый день, конечно.

– По-моему, в холодильнике еды не убавилось.

– Потому что ты заказал столько, будто считаешь меня прожорливым поросенком.

– Для прожорливого поросенка ты слишком стройная. – Кусочек куриной грудки застревает в моем горле. – Просто питайся нормально, а не короткими перекусами.

– Это что-то вроде дачи для тебя? – интересуюсь я, решив сменить тему. – А, впрочем, для дачи этот дом слишком роскошен. Ты планируешь сюда переехать или… – Замечаю усталую задумчивость на его лице. Наверное, мое любопытство не совсем уместно. – Я так просто спросила. Забудь.

– Я построил этот дом для мамы, – признается Ян, отправляя в рот несколько макарон. – Планировал, что она будет жить здесь, а я приезжать на выходные. У нее было много

подруг и родственников. Дом казался ей очень большим, но я хотел, чтобы каждому, кто приедет погостить у нее, было место.

Мое сердце тает. Матерям, воспитавшим любящих и добрых детей, нужно ставить памятник.

– А по итогу, она не провела здесь и ночи. Может, продал бы, но я в него всю душу вложил, – усмехается он с заметной печалью в глазах. – В каждый уголок, в каждую розетку. Да и мама просила оставить его.

Ян продолжительно вздыхает, и я понимаю, что говорить о близком человеке, которого уже нет, ему совсем не хочется. Особенно с чужим, вроде меня.

– Возможно, ты воспримешь это за полное отсутствие такта и воспитания с моей стороны, – признаюсь я, испытывая неловкость, – но я не умею выражать сочувствие в этом плане. – Ян поворачивает ко мне голову. – Ну, знаешь, когда в фильмах кто-то рассказывает о людях, которые умерли, то собеседник обязательно произносит фразу типа «сочувствую» или «прими мои соболезнования». Что-то вроде того. И у них это получается. Они же актеры, – улыбаюсь я. – А я не могу этого сказать, ведь знаю, что прозвучит неискренне и шаблонно что ли. Мне жаль, что в какой-то момент времени ушел из жизни родной тебе человек. Наверное, терять близких очень тяжело. – Я резко выдыхаю. – Ужин очень вкусный, Ян, но ты переборщил с порцией и в меня уже не влезает.

– А ты посиди немного и вскоре всё влезет, – улыбается он, опустив глаза в свою тарелку. Он выглядит таким одиноким, что у меня сжимается сердце.

– Я бы лучше оставила на завтрак.

– Там полная кастрюля. Будешь всю неделю есть.

– Отлично! – смеюсь я. – Макароны я люблю.

– Да, – Ян улыбается и допивает свой виски. – С недавних пор это мое любимое блюдо.

Мой взгляд тут же устремляется к шкафчику, где стоят синие коробки с макаронами. Алкоголь жонглирует моими мыслями, не иначе! Я ведь прямо вижу себя в черной рубашке с голой задницей! И почему вдруг?

– Спасибо тебе, Ян. Ещё раз. – Сползаю со стула. Сигнализация визжит, что мне пора сваливать. – Я даже забыла о том, что случилось. Правда.

– В этом и был весь смысл ужина, – усмехается он.

– Не против, если я всё это уберу завтра? – обвожу я взглядом наши тарелки.

– Я вполне способен помыть посуду, Тая. – Он обводит меня молчаливым взглядом и тянется к своему телефону. – Отдыхай. Сегодня выдался неприятный вечер.

– Но чудесный ужин, – необдуманно отвечаю я и мысленно ударяю себя по лицу. – Спокойной ночи, Ян.

Обещаю себе, что больше никогда не останусь с ним наедине. Не позволю! Вероятно, что огонь уничтожил все мои вещи, а меня заботит только мужчина в лице моего работо-

дателя!

И пить алкоголь в его присутствии я больше не стану. Однозначно.

Глава 9

Утром мы с Яном не пересекаемся. Когда я уезжаю в город, он ещё спит. Соня в шоке с того, что случилось. Она недовольна, что я не сообщила ей о пожаре вчера, и обещает поехать сегодня на квартиру со мной. Маргарита, хозяйка магазина, отпускает нас на час раньше, за что я ей очень благодарна.

– В прошлом году у нее сгорела дача. Она знает, что это такое, – объясняет мне Соня, когда мы едем на такси за моими вещами.

Дарья смотрит на черную стену, когда мы заходим в пропитавшуюся дымом квартиру. Рядом с ней низкорослый мужчина в кепке и планшетом в руках. Я вижу в углу прихожей свои обугленные тапочки и сандалии, которые купила в начале лета. Но это не самое страшное, ведь дверцы шкафа-купе, вмонтированного в нишу, выглядят как один огромный кусок угля.

– Нет… – шепчу я, страшась заглянуть внутрь. – Только не это.

Рельсы расплавились и колесики по ним уже не проедут. Мужчина толкает правую дверцу и та просто отваливается!

– Господи! Это же… Это же невозможно!

Все мои вещи, коробка с фотографиями, обувь, документы – всё погибло в пожаре. Одна труха и пыль осталась от

моей жизни. Не могу сдержать слезы и, спрятав лицо в ладонях, ухожу на кухню, которая вообще осталась нетронутой.

И мой ноутбук.

Я плачу и улыбаюсь, благодарная, что хотя бы он у меня остался. Соня прихватила с собой несколько больших пакетов, чтобы было куда сложить вещи, но они нам не понадобятся.

– Пойдем отсюда, – говорю я подруге, сунув зарядное устройство в свою сумку. Ноутбук беру подмышку. – Здесь мне больше нечего делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.